

Урожайный Демоник

Татьяна Луталцева

Тётя без
присмотра

Иронический детектив (АСТ)

Татьяна Луганцева
Тётя без присмотра

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Тётя без присмотра / Т. И. Луганцева — «Издательство АСТ»,
2023 — (Иронический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-154651-9

Василиса Лапина не любит свое имя. Вечно ее обзывают то «прекрасной», то «премудрой», ей же больше всего нравится сокращенный вариант – просто Вася. По характеру подходит, характер у нее огонь! Увы, с мудростью у нее не очень: вечно влипает в опасные передряги. Ну а насчет красоты... Нет, женщина она интересная: хрупкая голубоглазая блондинка, – но себя оценивает объективно, ведь недаром же математик и даже гениальный программист! А вот в личном плане у Васи дело швах: три брака – и три облома. Вот вроде забрезжила на горизонте новая любовь, да только надо хотя бы в живых остаться, а то вокруг загадочные убийцы выются...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154651-9

© Луганцева Т. И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Тётя без присмотра	6
Шах белым конём от белой королевы	32
Глава первая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Игоревна Луганцева

Тётя без присмотра

© Т.И. Луганцева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Тётя без присмотра

Татьяна уже никогда и ничего не ждала от жизни в плане счастья и любви. Но она ни на что и не жаловалась. Жизнь сложилась уже как сложилась. И в этом, конечно, была и ее вина. Живя с мамой в маленьком провинциальном городке, она хотела, как все девочки, выучиться, выйти замуж, родить ребенка, то есть создать нормальную семью. Ни о каком богатстве и о чем-то запредельном она не мечтала. Ну, а ее принц должен был быть сильным, смелым, заботливым. Но так как росла она девочкой-недотрогой, нацеленной на учебу и высокую нравственность, то очень многих парней, обращавших на нее, хрупкую блондинку, внимание, она оставила без этого самого внимания. Хотя любви и счастья, конечно, хотелось. У подружек практически у всех были парни, кто-то уже вышел замуж, даже дети родились.

И вот на этом фоне ее случайно знакомят с весьма милым парнем, старше на пять лет. Он тут же окружил ее заботой, прибил полочку в доме, где жили две беспомощные в быту женщины, Таня с мамой, починил вечно капающий кран. И Таня поддалась, – через шесть месяцев они расписались. Александр, так его звали, увез молодую и наивную жену к себе в двухкомнатную московскую квартиру. Он не был коренным москвичом, несколько лет как перебрался в столицу из Краснодарского края и вел абсолютно аморальный образ жизни. Это уже после свадьбы Таня поняла, что выгащила не счастливый билет, а скорее черную метку. А ведь когда уезжала в Москву, нашлись люди, которые сильно позавидовали ей.

– В столицу едешь! Замуж вышла! Везет тебе. Выберешься из нашей дыры, – говорили подружки.

– Да что вы! Я же не специально, так получилось, что Саша живет в Москве. Я и не думала, что уеду отсюда. Меня все устраивало. Я даже плакать буду. Маму здесь одну оставляю.

– Дурочка! В Москву едешь! Так удачно замуж вышла! – не соглашались с ней подруги. – В столице столько возможностей!..

Конечно, в чем-то они были правы... И про возможности, в частности. Только никто в расчет не брал тонкую душевную организацию Татьяны.

Уезжала она из родного города, действительно, со слезами на глазах, сразу нашла себе работу и вскоре родила сына. Правда, до родов пришлось пережить тяжелый период, полежав в чужом городе на сохранении. Впрочем, на этом ее начавшаяся сказка закончилась.

Уже после свадьбы Таня узнала, что ее Саша весьма опытный в любовном отношении мужчина. До нее он только официально успел жениться два раза. Видимо, те жены оказались умнее, чем она, и вовремя сбежали от этого Сашки. А он, гад, еще и радовался, что одна из них сделала от него неудачный аборт, покалечилась и теперь никогда не сможет стать матерью. А уж сколько он гулял так, без оформления отношений!..

Таня была в шоке, но расслабляться уже не могла, – на руках был маленький ребенок и давила ответственность за материальное обеспечение семьи. Ее Сашка оказался несерьезным, подлым человеком, этаким перекаати-поле, который легкомысленно относился и к личной жизни, и к семье, и вообще к собственному существованию на этом свете.

Сашок летал с работы на работу как осенний рваный лист в ветреный день. Иногда он даже не успевал отработать хотя бы месяц, чтобы получить полный оклад.

Все тяготы содержания семьи легли на плечи Татьяны. К тому времени ее старенькая мама ушла на пенсию и переехала к ним, чтобы сидеть с маленьким внуком. Таня уже ходила не на одну, а на три работы и пахала, пахала, пахала...

Несколько лет прошли как в тумане. Татьяна похудела, да что там, – просто высохла до нитки. Уходила с утра и приходила поздно вечером, обделяла своего любимого ребенка вниманием. Но зато была за него полностью спокойна. Потому что абсолютно доверяла своей маме, под присмотром которой и был сын.

Сашок же жил своей привычной жизнью – гулял, пил, веселился. Да, Таня уже после замужества узнала, что муж падок до алкоголя. Он из более-менее приятного человека, который хорошо устроился в этой жизни, стремительно превращался в тупого, злого монстра. Потом, конечно, Сашок извинялся, просил прощения, несколько месяцев держался, оставался адекватным, потом – снова срыв. И снова – извините, простите...

Таня сначала переживала, потом зачерствела. Как в народе говорят: глаз замылился. Да и некогда ей было долго переживать и что-то переосмысливать. Она пахала как лошадь и жила... сыном. С огромной благодарностью к своей маме. Таня понимала, что живет обычной жизнью среднестатистической женщины и пыталась улыбаться и делать вид, что все хорошо. Но она не могла не замечать, что некоторые ее даже коллеги живут совсем по-другому. Мужья там зарабатывали много больше, жены наслаждались жизнью и работали не ради зарабатывания денег, а для своей самореализации, общения. И мужья не пили, и не прикладывали к ним руку.

Когда Саша в первый раз ударил ее, Таня была в шоке. В следующий раз после тысячи извинений он сделал это через полгода, потом чаще. И можно что угодно думать об умственных способностях Татьяны, но она и к этому привыкла. Люди, не подвергающиеся физическому насилию, никогда этого не поняли бы. А те, кто годами живет в таком состоянии унижения, входят в особое состояние зависимости и без посторонней помощи выбраться из этих отношений они не могут.

Но Таня должна была пройти еще очень долгий путь в этих токсичных отношениях. Ей удалось невозможное, – до восьми лет ее сын не знал, что папа по вечерам выпивает и издевается над мамой, потому что они воспитывала его в режиме и старалась пораньше положить спать. Но ребенок рос и уже не засыпал в девять вечера, да и глаза Саша стал заливать все чаще и чаще. Сын Тани, Влад, узнал, что такое буйство пьяного отца. Понятно, что для любимого ребенка это явилось шоком, но не удивлением. Потому что отношений с отцом и любви у них не получилось. Саша его просто ненавидел, становилось совершенно понятно, что он и не отец, и не муж, и не защитник семьи.

Немного сдерживала его пыл тёща, мама Тани Виктория Валентиновна. Она уже давно поняла, во что вляпалась ее дочь, и что ей не видать женского счастья, но рядом рос очень хороший мальчишка – ее внук. Такое вот счастье и несчастье в одном флаконе. Она уже, почувствовав себя плохо, продала свою квартиру в провинциальном городе, откуда они были, и отдала все деньги дочери со словами:

– Купи себе хоть что-нибудь, чтобы вы смогли с Владиком спастись от этого изверга, если что...

Немного Виктория Валентиновна прожила еще после этого, оставив свою дочь совсем одну. У Саши руки развязывались, хотя куда уже больше. Сын Тани тогда уже подросток и несколько раз вставал на защиту мамы, что очень злило и подзадоривало его отца. Несколько раз уроки из серии «Я научу тебя родину любить» получал и он. Но, конечно, в основном все удары и за себя, и за сына получала Таня.

Влад рос очень умным мальчиком и после девятого класса Таню вызвали в школу на учебный совет. Там она узнала, что ее сын два года подряд становится победителем Всероссийской олимпиады по химии и что он выиграл грант на обучение в лучшем учебном заведении Великобритании. Влад съездил туда и вернулся в полном восторге – так ему там все понравилось, такие условия для проживания и учебы, такие там крутые учителя и ученики.

Конечно, Таня никогда не думала, что надолго расстанется со своим сыном, но женское чутье подсказало, что Влад там будет счастлив, что ему будет хорошо. Да и чтобы спасти Влада от отца, ему очень даже не мешает уехать и заниматься любимым делом там, в чужой стране. И она согласилась.

Настала очередь задуматься и Владу о судьбе своей матери, которая после смерти любимой бабушки осталась у него одна.

– Я не могу оставить тебя с ним. Мама, ты же будешь один на один с этим чудовищем! – переживал Влад.

– Ничего страшного, справлюсь! Ты должен учиться. Нельзя упускать такой шанс!

Влад сказал, что уедет при условии, что мама разведется с отцом. Он по наивности предполагал, что если она уже не будет его женой, это даст ей какую-то защиту. Таня вместе с сыном сходила в адвокатскую контору и подала заявление на развод без согласия одного из супругов. Развели их через три месяца. Саша этого не знал.

Влад улетел в Англию на учебу. Когда Александр узнал, что Татьяна тайно развелась с ним, он избил ее до полусмерти и сказал, что она все равно от него никуда не денется и что он ей этого удара ножом в спину никогда не простит. Вот тут-то он и слетел с катушек. Виктории Валентиновны больше не было, ненавистный сын, который смел дерзить ему, улетел далеко и надолго. А осталась одна вот Татьяна, которая давно уже отказывала ему в сексе и явно не любила своего султана. И он развернулся, как баян, во всей красе своего садизма.

Конечно, Таня ничего не сообщала сыну. Просто когда-то она мельком посмотрела на себя в зеркало и испугалась, что у них в квартире находится какая-то чужая, изможденная женщина. Она не узнала саму себя!

А муж злился на нее за отказы, хотя сам уже был ни на что не способен из-за своего пьянства, срывал злость на жене, прекрасно понимая, что защитников у нее нет. Таня часто задерживалась на работе, иногда ей везло – она приходила, когда Саша уже спал мертвецким сном. Бывало, она вечером покидала квартиру, понимая, что назревает скандал, и до посинения гуляла в местном парке, ожидая, когда бывший муж отрубится. Ее жалели даже соседские мужики, – они терпеть не могли подонистого Сашку, говорили: «И что ты его терпишь? Зачем с ним живешь?»

А Таню ведь так воспитали, что замуж выходишь один раз и на всю жизнь. Да и идти ей было некуда – все деньги она вложила в сына. На работе заработки упали, с трех работ она уже ушла, организм не выдерживал такой нагрузки. Чтобы уйти от бывшего мужа и снять квартиру, не могло быть речи. Зарплаты Тани едва хватало бы на оплату квартиры да на хлеб с водой. Она ведь каждый месяц отсылала деньги сыну на его существование в другой стране. Ну, а на кого парень мог рассчитывать? А расходы там были будь здоров!.. Вот Таня и продолжала жить с Сашей в его квартире через немогу.

Сотрудницы на работе откровенно говорили ей:

– Да купи ты ему паленую водку. Выпьет и сдохнет. А ты при чем? Ни при чем! Это пусть они с криминальным алкоголем разбираются, а ты хоть жить будешь спокойно. Сколько уже мучиться можно!

Нет, Таня никогда не пошла бы на убийство человека, да чтобы потом еще и жить спокойно...

Таня давно никуда не ходила, не ездила. Саша ничего не зарабатывал, они еле сводили концы с концами. Но когда у нее были деньги и Влад жил с ними, она вывозила семью в отпуск минимум по два раза в год и на море, и в красивые города России, и в Европу. Но эта жизнь, где была какая-то отдушина, закончилась.

Именно в таком состоянии депрессии в один из сырых, осенних вечеров она сидела на скамейке в парке, в очередной раз ожидая, когда ее бывший муж выпьет бутылку и заснет на кухне, оплеванный семечками. Тогда у нее появлялась возможность на цыпочках пройти в комнату и поспать до утра, чтобы уйти на работу.

В парке было сыро, скамейка влажная. Фонарь работал с каким-то треском и миганием, словно выдавая автоматные очереди. И наконец-то погас, погружая Таню в темноту. А ей так было даже лучше, чем слышать этот треск и видеть мерцающее изображение. Да и не хотела она, чтобы ее видел кто-то. Некрасивая, бледная, замерзшая, с испуганными глазами, словно бездомная собака. Ей казалось, что люди, глядя на нее, могли прочесть и ее стыд, и ее беспо-

мощность, и что ее выгнали из дома, где пил тиран... Хорошо еще, что в такую погоду, да еще и в такое время никого в парке не было!..

Поэтому появление рядом этого мужчины, идущего под морозящим дождем, для Тани стало полной неожиданностью. Он был высоким и очень атлетичным. Слегка выющиеся волосы развевались, как и распахнутый черный плащ. Ворот белой рубашки был расстегнут, словно на улице была жара. В руке он держал бутылку шампанского.

Таня сжалась в комок, надеясь, что он ее не заметит. Но он напрямик направился к ней.

– Здравствуйте! Это что тут за серый воробышек спрятался? – присел он рядом на ее скамейку.

Таня напряглась. Это ж надо – нарвалась на веселого пьяного, хотя дома был такой же, только не веселый, поменяла шило на мыло!.. Но от мужчины абсолютно не пахнет спиртным. Волосы у него были очень густые и темные, черты лица было трудно разглядеть, но видно было, что у него большие глаза, крупные, четко очерченные губы, обаятельная улыбка и волевой подбородок.

– Извините, что нарушил ваше уединение, но я в отчаянии! – проговорил он, продолжая улыбаться.

– Что случилось? – спросила Таня, дрожа всем телом, потому что к холоду добавился и страх.

От мужчины очень вкусно пахло дорогим парфюмом. Да и по одежде и обуви было видно, что они не дешевые.

– Я первый день в Москве. Хотел отметить. Мы расстались с любимой женщиной. У меня душа болит. Вышел вот, а тут не нашел ни ресторана, ни кафе, – пояснил мужчина. – Купил шампанского. Думал, что первого, кого встречу, с тем и выпью! Не откажите блуждающей в отчаянии душе!

– Ресторан тут есть, только вот там, совсем в другом конце парка, – ответила Таня и вздрогнула от неожиданного хлопка открываемой бутылки.

– Дождь... Никого нет. А тут вы! Такая удача! Меня со своей бутылкой туда не пустят, – показал ей шампанское мужчина. – Выпейте за меня.

– Прямо из горлышка? – удивилась Таня. – Я, вообще-то, не пью.

– Извините, фужеров нет. Но вы пейте первой, а я за вами.

Мужчина слегка наклонился к ней. Глаза его были очень глубокие и влажные, то ли от слез, то ли от дождя. У него были широкие плечи, высокий лоб, крупный красивый нос с небольшой горбинкой... И вообще от него исходило незнакомое ей тепло, или, как принято теперь говорить, положительная энергетика. Таня поняла, почему так растерялась – с мужчинами такого плана она никогда не общалась. Да что там, она вообще с мужчинами сто лет не общалась.

Таня взяла из его рук бутылку и разглядела, что это «Вдова Клико».

– Никогда не пила такого...

– Так теперь попробуйте... – улыбнулся он, поправляя темную прядь волос.

Татьяна сделала глоток, пена, пузырьки ударили в нос, она чихнула.

Он засмеялся.

– На здоровье!

– Очень вкусное. – Она протянула ему бутылку.

– Рад, что нравится. Пей еще! – перешел мужчина на «ты».

Татьяна выпила еще и передала ему бутылку, слегка соприкоснувшись своими застывшими пальцами с его теплыми ладонями.

– Ты что, замерзла совсем? Промокла? Может, поедем куда? Я такси вызову.

– Нет-нет!.. – закрутила головой Татьяна. – Мне домой надо.

Мужчина встал, снял с себя плащ и накинул на худенькие плечики Татьяны.

– Не согреет, но хоть от дождя.

– А вы? – совсем смутилась она, понимая, что он остался только в рубашке и брюках. И ворот, и манжеты были расстегнуты, на руке видны были дорожные часы, на груди никаких цепей не наблюдалось.

– Не сахарный, не растаю. У меня четверть кровей с Кавказа, я горячий, – успокоил он ее, тоже отпивая шампанское. – Меня Михаил зовут.

– Татьяна, – ответила она, чувствуя себя в каком-то сюрреалистическом сне.

Она только что из одиночества, нищеты и холода оказалась с приятным человеком, ее окутало тепло и забота, она впервые попробовала очень вкусное шампанское. На ее душе было светло и умиротворенно. Это даже хорошо, что вырубился фонарь, и ничего не нарушало ее счастья, даже яркий свет.

Парк погружался мало что в темноту, еще и в какой-то туман. Только желтый свет из окон жилого дома пробивался лучиками сквозь эту пелену и листья кроны. Таня погрузилась в созерцание.

– О чем ты думаешь? – спросил Михаил.

– Интересно люди живут. В большом доме много клеточек, как в улье, и в каждом своя семья.

– Для экономии места, – усмехнулся Миша.

– В каждом домашнем очаге свет, – продолжила Таня. – Интересно, счастливы ли они там? Каждый в своем гнездышке? Свет лампы, тепло... О чем они сейчас думают?

Михаил внимательно посмотрел на нее.

– Ну, и мысли у тебя, мать! Я понимаю, почему ты тут сидишь одна под дождем. Ты – философствуешь! Угадал? Правда, в основном, философы мужчины.

– Я, конечно, плохо выгляжу и наверняка старше вас, но в матери вам не гожусь, это точно, – поджала губы Татьяна.

– Да ладно! Обиделась, что ли? Это же просто молодежный сленг! – сказал он.

– Я не заметила, что вы – молодежь, извините, – бросила Татьяна.

– Ладно! Один-один! – засмеялся Михаил. – Странные мысли.

– Какие есть. Мужчинам ой как удобно лежать на диване и думать о тшете всего сущего. Женщина не может себе этого позволить, нет у нее времени. Дети, магазины, работа, уборка, готовка, стирка... Где уже нам! – ответила Таня.

– Это ты верно подметила, что за каждым окошком скрывается и хорошее, и грустное. Но я точно могу сказать, что у тебя какие-то неприятности. Что за твоим окошком, Таня? – проникновенно спросил Михаил, и у Татьяны побежали мурашки по коже.

– А вы психолог?

– Нет, я архитектор. Михаил Амирович Ахба. Проектирую здания, создаю эти, как их называют, «человеиники». Только я стараюсь, чтобы они хотя бы отличались друг от друга. Эксклюзивные «человеиники», так сказать. Ну, а ты? Расскажи мне о себе.

– Про личную жизнь? Нет... На то она и личная...

– А чем ты занимаешься?

– Я переводчица. Перевожу с английского и немецкого языков художественную литературу, документы, инструкции на лекарства, даже личные архивы. За всё берусь... – ответила Таня.

– Два языка в совершенстве? – хмыкнул Михаил.

– Я бы так не сказала. Это уж слишком. Но языки я знаю довольно прилично. Мне не стыдно за свою работу. После института решила усложнить себе жизнь, стала еще и китайский учить, но не дотянула. Что-то могу прочесть, но говорить так и не смогла. Сложновато для меня оказалось, – сказала Татьяна.

– А ты, видимо, из отличниц... Ты должна свою работу выполнять на все сто!

– Есть такое... А смысл тогда делать и предлагать свою продукцию, если не довела ее до совершенства?

– Я не такой. Я человек творческий, ко всему отношусь легко.

– Но выглядите вы сейчас не очень счастливым, – отметила Таня. – Вы сказали, что расстались с подругой... Почему?

– А почему люди расходятся? Не сложилось у нас. Я всегда считал, что не создан для семейной жизни. Еще у меня вечные командировки. Ну, а когда тебе уже под сорок, ты после большого количества женщин вдруг встречаешь очередное чудо на длинных ножках, и хочешь наконец остановиться. Исполняешь все капризы, балуешь, на руках носишь. Думаешь: вот она единственная, на всю жизнь. Длились наши отношения два года, и когда я сказал, что на этот раз командировка не в Нью-Йорк, не в Амстердам и не в Париж, и даже не в Вену, а в Москву, мне было предъявлен почему-то ультиматум: или я, или Москва. Дело в том, что я уже дал согласие на этот проект и не мог подвести коллег. Командировка на полгода. Лиза, а мою подругу звали Лизой, почему-то приняла в штыки мое решение. Пришлось выбирать.

Татьяна внимательно слушала, изредка отпивая шампанское.

– Это не повод для расставания, но и даже для ссоры. Вы не отчаивайтесь, ваша девушка всё обдумает и приедет к вам. Вы обязательно помиритесь.

– Ты не знаешь мою Лизу.

– Купите ей подарки, и всё будет хорошо, – не сдавалась Таня.

Сама она вдруг увидела себя шагающей по торговому комплексу и разглядывающей красивую одежду на манекенах. Михаил как бы шел за ней и нес пакеты и коробки с покупками. А Таня смотрела на проходящих мимо женщин и мысленно спрашивала каждую: «Ну, что? Съела? Видела, какой мужчина идет рядом со мной?» От сладких грёз ее оторвал Михаил. Он притронулся к ее плечу.

– Что с тобой?

Таня дёрнулась и очнулась. Она сидела, уткнувшись в сильное плечо под тонкой и мокрой материей шелковой рубашки.

– О господи! Я что, заснула, что ли? – испугалась она.

– Я смотрю, ты что-то притихла.

– Так неудобно!.. Это на меня так шампанское подействовало. Я словно уплыла...

– Ты, наверное, устала?

– Да. Что-то голова кружится. – Татьяна встала.

– Я провожу, – вызвался Михаил.

– Нет-нет, спасибо. Не нужно.

– Поздно уже, и ты выпила. Я обязан проводить.

Таня поняла, что он действует, как, видимо, должен действовать настоящий мужчина, не стала ему больше препятствовать. Они вместе вышли из парка, перешли дорогу и направились к дому Тани. Татьяна заметила, что Михаил значительно выше ее, хотя она сама себя бы дюймовочкой не назвала.

Они вошли в подъезд, Таня сняла плащ и протянула Мише.

– Спасибо. Я живу на втором этаже.

– Я провожу до дверей?

– Нет, не стоит.

– Нам по дороге. Я в этом доме снял квартиру на пятом этаже, хожу пешком, тренируюсь, – ответил он, улыбаясь.

– Вот как? Интересное совпадение.

Они стали подниматься по лестнице. Таня бросила на Михаила любопытный взгляд. При свете электричества он показался ей довольно симпатичным, даже несмотря на то, что промок до нитки.

У двери ее квартиры они растались, Михаил пошел выше.

Она тихо закрыла за собой дверь и, не включая свет в прихожей, двинулась по квартире. На кухне она Сашу не обнаружила. Он лежал на кровати в ботинках и джинсах, и храпел. В комнате стоял тяжёлый запах перегара. Таню затошнило. Она села на кухонный диванчик и, выпив чашку теплого чая, прилегла на узенькую кушетку. Уснуть Татьяна не смогла. Она вспоминала Михаила, его улыбку, глаза. И не понимала, что с ней происходит.

«Не сошла ли я с ума? – думала она. – Взяла и влюбилась в сорок лет, словно девчонка? Как это возможно? Он не свободен... Наверное, его подружка молодая и красивая. Приехал в командировку, скоро уедет. Зачем я размечталась? Да и что такого произошло? Посидели на скамейке под дождем. Я, наверное, показалась ему брошенным котёнком. Мокрая, одинокая... Подошел, накинул плащ, дал глотнуть шампанского. А я и растаяла. До чего я себя довела, если первый встречный заставляет о себе думать? Как мне мало надо! Он бы погладил меня по голове, так я бы сознание потеряла от радости?..»

Только под утро Тане удалось немножко поспать.

Шли дни. Татьяна искала встреч с Михаилом, хотя и понимала, что это какая-то глупость. Она даже стала красить губы и распускать волосы, выходя из дома и с работы, надеясь на встречу.

«Конечно, у нас не совпадает график. Я ухожу с утра, а такой богатый и свободный человек наверняка встает, когда ему надо. Не буду же я караулить его как бабушка на лавке у подъезда! Да он и не вспомнит меня...» – думала она.

Период возбуждения у Татьяны сменялся апатией. И конечно, вторая встреча состоялась, когда Таня ее совсем не ждала и совсем не была к ней готова. В спортивном костюме и с волосами, небрежно затянутыми в хвост, Таня вешала белье на балконе. Тут подъехала большая машина. Таню словно что-то толкнуло. Она застыла на месте, держа в руках мокрое полотенце. Открылась дверца и вышел Михаил. Он обошел машину и помог выйти очень эффектной блондинке в туфлях на шпильке, коротком клетчатом модном пальто и с маленькой сумочкой.

Михаил поднял голову и увидел Таню. Она хотела присесть, но не успела. Он блеснул зажигательной улыбкой и помахал ей рукой. Она махнула в ответ. Михаил открыл дверь подъезда и пропустил вперед себя блондинку. Дверь подъезда хлопнула, Татьяна очнулась и продолжила свое занятие.

Вернулся домой Саша. Уже по тому, как он вошел в дом, Татьяна поняла, что он не в настроении.

Он сразу начал к ней цепляться:

– Что нерадостная такая? Слышь, ты! Чего морду воротить? Я с тобой разговариваю... У тебя кто-то появился, что ли? Слышь, иди сюда! Ты мне рога, что ли, наставляешь? – начал раскочегариваться Сашок.

Таню передернуло от омерзения. Она знала, что в таком настроении Сашок уже не успокоится, пока не разрядится. Но ни разговаривать с ним тоже нельзя. От этого ее бывший муж вообще зверел.

– Нет у меня никого. Никакие рога у тебя не растут. Ты забыл, что мы в разводе? Какое тебе вообще до меня дело? Что привязался? – резко бросила Таня.

– Такое забудешь! Подлюка! За спиной сходила и развелась! А для чего тебе это надо было? – схватил он Таню за шею и начал душить. – Тварь!

– Отпусти! Отпусти, больно! Ты убьешь меня!.. – задыхаясь, прохрипела Таня.

– И что? Да тебя и надо убить! Ты развелась, чтобы руки себе развязать и шататься по мужикам? Никуда ты от меня не денешься. Я научу тебя родину любить! И козла из меня не сделаешь! Враз убью, если узнаю!

И Татьяна получила мощный удар затылком о стену. В глазах у нее потемнело.

– Готовься к койке! Сегодня покажу тебе – бывший муж!

И Саша пошел на кухню доедать свой ужин и допивать водку.

Таня раздышалась в комнате и замерла там, ожидая, когда он отрубится. Храп минут через сорок сообщил о том, что это произошло.

В дверь позвонили. У Татьяны чуть не остановилось сердце. С кухни раздались какие-то невнятные звуки и прерывистый храп. Она поспешила в коридор и открыла дверь. На пороге стоял Михаил с тортом в руках.

– Здравствуй, Таня. Хотел на днях зайти, спросить, как дела. А то задержал тебя на улице. Но пару дней сам температурил, не захотел заражать никого. По-соседски вот к чаю. Не откажешь? – спросил Михаил.

Таня вжалась в дверь, поднимая ворот спортивной кофты и прижимая его к шее. Она до сих пор ощущала тяжелые руки Саши, и у нее кружилась голова.

– Нет... Я не могу... Извините. Очень приятно, но...

– Танька! Ты где, стерва?! Иди в койку, сказал! Убью заразу! – вдруг раздался голос Александра совсем рядом.

Таня вскрикнула и ухватилась машинально за руку Михаила, смертельно побледнев.

– Это кто? – спросил он.

– Муж... бывший, – успела ответить Таня, и дверь открылась.

Перед Михаилом предстало чудище, в заляпанной майке и в грязных джинсах, с налившими кровью глазами и мутным взглядом.

– Опа! А вот и мужичек нарисовался! Сука! Мало я тебе дал!

Свет в глазах Татьяны погас, и сознание ее понеслось в небытие. Дикий страх парализовал ее. И усталость, и стыд... Да и сотрясение мозга, видимо, наконец-таки дало о себе знать.

* * *

– Как себя чувствуете? Вам лучше? – спросила Таню улыбчивая девушка в медицинской одежде с бейджиком.

Таня чувствовала легкость во всем теле. Она возлежала на высокой, очень удобной кровати. Большое окно, светлые стены и телевизор, это то, что бросилось Тане в глаза.

– Где я?

– Институт неврологии. Платное отделение.

– Господи, а как я здесь?.. Долго?

– У вас черепно-мозговая травма, находитесь вы здесь сутки. Вас ввели в медикаментозный сон и наблюдали. Решался вопрос об операции. Когда опасность миновала, вот вывели из сна. Как себя чувствуете?

– Да вроде ничего... Вот именно как после сна, – ответила Таня. – Только затылок побаливает.

– Там у вас гематома. С вами хотят поговорить. Ждали вашего пробуждения.

– Кто? – спросила Татьяна.

– Следователь и мужчина, который вас привез и оплатил ваше пребывание. Михаил Амирович.

– Следователь? – переспросила Таня.

– У вас была травма головы, различные синяки на теле, свежие следы удушья на шее. Извините, но тут даже вашего согласия не требуется, – ответила медсестра. – Я позову их.

Татьяна успела только оценить качество белоснежного постельного белья и надетую на ней крахмаленную белую больничную пижаму. Проведя рукой по челке, она столкнулась взглядом с темно-зелеными глазами Михаила, который выглядел не так, как всегда. Было видно, что он обеспокоен. Впервые Таня видела его не в костюме. Темный джемпер и джинсы. С ним вошел мужчина в штатском с почти лысой головой.

– Таня, я рад, что тебе лучше, – подошел к ней Михаил и взял за руку.

– Что произошло? – еле спросила она.

– Ты не помнишь?

– Я помню, что ты пришел, выбежал Саша, я сильно испугалась и все... Дальше не помню.

– Так и было. Когда выбежал этот гражданин, я сразу же все понял, и откуда у тебя следы на шее... Они вон и сейчас сине-багровым ожерельем. И почему ты так замкнута и сидишь ночью под дождем на лавке... Твой бывший муж кинулся на меня, я ответил. Извини, хорошо ответил. Извини, морду я ему попортил, и нос его теперь не будет больше прямой уточкой. И ты спасла меня от тюрьмы. Ты потеряла сознание, и я переключился на тебя. Иначе бы грохнул его. Я вызвал скорую, полицию вызвали соседи. Правда, ему тоже понадобилась медицинская помощь. Сашка твоего взяли пока на пятнадцать суток, тебя отвезли вот сюда. И по поводу этого всего пришел вот человек, Виктор Иванович. Не я его вызвал, честное слово, мне бы легче было разобраться с твоим Сашкой один на один. Терпеть не могу, когда бьют женщин и детей! Ничего не скажешь, хороший противник. Ты иди вот с мужиком померяйся, если кулаки чешутся, – весьма эмоционально высказался Михаил.

– Здравствуйте, меня уже представили. Виктор Иванович Лаврененко, следовательно, – представился и сел на стул мужчина. – Мне надо задать вам несколько вопросов. Вы в состоянии говорить? Для протокола.

– Да...

– Вы находитесь здоровом в уме и твердой памяти?

– Вроде, да... То есть, да.

– Ваше имя, фамилия, отчество.

– Татьяна Олеговна Эхбер, – ответила она.

– Дата рождения. Сколько вам лет?

– Не знаю, какое это имеет значение и для чего вам... Сорок один, – ответила она, отводя глаза.

– Вот эти следы, что зафиксировали на вас медики, нанес вам гражданин Александр Владимирович Липницкий?

– Ну, да...

– В день происшествия он душил вас?

– Немного...

– Он стукнул вас головой о стену?

– Да...

– Сколько лет это продолжалось? Телесные повреждения, – пояснил Виктор Иванович.

– Вы так на меня напали внезапно... Лет двенадцать-пятнадцать, я не помню.

– Вы обращались в полицию?

– Нет, – сглотнула она.

– Почему? – последовал правомерный вопрос.

– Смысл? Пятнадцать суток, потом он вернется и убьет меня, да? Я один раз пожаловалась, так после этого мне досталось еще больше. Легко говорить! Я живу на зарплату, половину отсылаю сыну, чтобы у него было другое будущее и чтобы хоть он не жил с отцом. Плачу за квартиру и остается – почти ничего! Если бы я была одна, я бы ушла, и те деньги, которые пересылаю Владу, тратила бы на съем жилья. А так мне уйти некуда. И что мне делать теперь, через эти пятнадцать суток? – Таня сжалась в комочек.

– Вам причинён вред здоровью средней тяжести, я могу закрыть Липницкого до двух лет. При хорошем адвокате он может отделаться штрафом до одного миллиона и тогда не сесть. А на эти деньги вы можете временно снять жилье или даже купить комнату, – предложил следователь. – Ну, же, решайте! Сколько я видел таких женщин! Вы годами живете так, вам в один

момент, конечно, не принять решения. Но так сделать надо! Это единственный шанс прекратить издевательства.

– Я бы предпочла штраф и уйти, – ответила Таня. Она спустила ноги с кровати. – Не хочу здесь лежать, мне домой надо.

Таня сделала несколько шагов к шкафу, еле держа равновесие. Она услышала, как следователь закашлял.

– Гражданка Эхбер, вы это... со спины голая совсем, а халат... только спереди халат, – сказал он.

Таня моментально повернулась к ним лицом, щупая свой голый зад и заливаясь краской стыда.

– Извините... Я не знала, что такой халат. Думала, такие только на трупы надевают. Михаил засмеялся.

– Ну, до трупа тебе далеко. Да и тыл у тебя хороший. Шучу! Нет, не шучу, что он хороший! Просто не то сказал! Врач говорит, что ты должна еще полежать в больнице.

– Я не хочу! Мне домой, тем более, там нет Саши. Мне сын должен звонить.

– Ну, медицинские аспекты решайте сами, меня больше интересуют правовые вопросы, – откликнулся следователь. – Заявление подпишите?

– Да.

– Вот и умница, – хлопнул он своей папкой.

* * *

«В первый раз с этим мужчиной почувствовала какое-то притяжение. В первый раз попробовала такое дорогущее шампанское, и вот в первый раз еду в шикарном «мерседесе», – подумала Таня, сидя рядом с Михаилом в машине и провожая глазами больницу.

– Вы много на меня потратили? – спросила она.

– Мы, вроде, на «ты» перешли, мне так сподручнее с моим-то молодежным сленгом, – посмотрел на нее Миша. – Я, кстати, всего на четыре года младше тебя... Это вообще ни о чем.

– Это – пропасть, – откликнулась Таня. – Не по возрасту, а по нашему образу жизни и мировоззрению.

– Откуда ты знаешь о моем мировоззрении? – удивился Михаил. – Я-то до конца о нем не знаю.

– Догадываюсь. Женская интуиция. Так я много тебе должна? По оплате лечения.

– Давай договоримся, чтобы я этого больше не слышал. А так для твоего спокойствия скажу, что сбежав из больницы, ты сэкономила мне много денег. Пребывание в люкс-палате... Стоимость рассчитывается посуточно, – продолжал смеяться Михаил.

Таня понимала, что он ее подкалывает. Этот мужчина как-то сумел объять ее, расположить к себе. Она рядом с ним чувствовала себя и умиротворенно, и возбужденно. Причем возбуждение было не разрушительное, а скорее торжественное, как в предчувствии чего-то хорошего и доброго, вроде Нового года.

Он подвез ее к дому.

– Спасибо, Михаил... Извини, что так получилось, что проблемы мои свалились на тебя. Я не хотела...

– Ты жила как улитка, – подал он ей руку, помогая выйти из машины. – Все свои проблемы, весь свой дом несу в себе и на себе.

– Можно и так сказать... Не хочу казаться неблагодарной. Ты фактически вернул меня к жизни. Спасибо тебе!

– А я рад, что сделал это. Хочешь, пойдём ко мне? Квартира семьдесят.

– Нет, я к себе. Рада, что к тебе вернулась твоя Лиза, я же говорила, что все будет хорошо, – сказала Таня.

– Какая Лиза? Ты о чем?

– Красивая блондинка, с которой вы приезжали домой, – ответила Таня, почему-то тупо смотря ему в шею: она ее завораживала.

– Ах, это! Это не моя девушка! Это – мой деловой партнер в Москве на эту командировку. Представитель подрядчика, – ответил Михаил, доведя до двери ее квартиры. – Я преступник, обещал врачу, что ты будешь под моим присмотром. Но к себе я тебя не заманил. Приду завтра и узнаю, как ты себя чувствуешь, хорошо?

Таня кивнула. Михаил наклонился к ней и поцеловал в щеку. Внутри у нее все рухнуло – такое впечатление произвело на нее это прикосновение.

– Спокойной ночи, – и его мощная фигура удалилась вверх по лестнице.

Таня зашла к себе в квартиру и поняла, что не ощущает ее своим домом. Ведь дом должен давать защиту и покой, именно сюда стремится любой человек из любой ситуации в мире. А Таня, как себя ни уговаривала, ее начинало трясти. Нет, она понимала, что Саши нет, и уж сегодня он точно не придет, но почему-то подсознательно она ждала его каждую секунду и в каждом месте в квартире. Только сейчас она поняла, насколько психически больна, раз ее так трясет даже в отсутствие человека, от которого она каждый день ждала агрессии.

* * *

Михаил сидел за компьютером – домашние брюки, накаченный голый торс... Перед ним стояла бутылка сухого мартини. Еду из ресторана он заказывать не стал, а холодильник был пуст. Да и почти все последние сутки он провел в больнице.

Звонок в дверь его удивил, он никого не ждал. Михаил босиком дошел до двери, открыл, не спрашивая, кто там. На пороге стояла худенькая и перепуганная женщина. Татьяна. Волосы ее были распущены, а губы накрашены. Огромные глаза смотрели на него с непонятным выражением, а в руках она держала... пирог.

– Здравствуйте, здравствуй... Я... я никогда так не делала... Уже поздно, а я к мужчине... Ты... вы... ты можешь думать про меня все, что хочешь. Я не такая, я мужу не изменяла. Я... Миша, извини, можно я побуду у тебя? Я не могу там находиться, боюсь, сознание потеряю. Можно хоть одну ночь? Я сейчас привыкну. Я вот шарлотку испекла из яблок... Простой рецепт.

Михаил взял у нее из рук пирог, отложил в сторону и привлек Таню к себе, заключил в объятия, нежно поцеловал. Она и забыла, как это – целоваться, и какое это счастье, как это приятно.

– Проходи, конечно. Всё хорошо, извини. Я заехал, но не обустроился, коробки вот, сумки, что-то еще хозяйева, которые сдали квартиру, вывезти не успели...

Михаил порылся в шкафу, нашел какую-то футболку и, торопясь, надел на себя.

– Спасибо за пирог. Сто лет не ел ничего домашнего, – разрезал он шарлотку и разложил по тарелкам.

Разлил по бокалам мартини. Они сидели на диване, смотрели старую комедию, пили мартини и ели шарлотку, и это было бомбическое сочетание. Татьяна смогла расслабиться и, глядя на Михаила, сказала:

– Поцелуй меня еще.

Но он как-то напрягся, отвёл взгляд и ответил:

– Таня, я... Прости...

– Не нравлюсь? Старая для тебя? – покраснела Таня. – Ой, как-то я напилась, извини. Стыд-то какой. Я пойду. Замечательный вечер!..

– Пстой! Никуда ты не пойдешь! И, конечно, нравишься. Просто ты сейчас находишься в очень уязвимом психологическом состоянии, да еще после травмы головы. Тебе надо сначала прийти в себя, найти себя, поправить здоровье, а дальше ты уже будешь решать, нужен я тебе или нет. А я подожду, я не хочу воспользоваться твоим состоянием, чтобы ты потом пожалела.

Квартира, которую снял Михаил, это студия, где зона кухни была объединена с гостиной, и имела еще комната спальной зоны. Именно там Михаил и постелил Тане, а сам лег в гостиной, но она слышала, что он еще долго сидел за компьютером. Она впервые спокойно заснула, и ей не снились кошмары. Хотя и было немного обидно, что пришлось так придержать свои эротические мысли.

* * *

Последующие дни для Татьяны стали самыми счастливыми в жизни. Она находилась на больничном, на работу ей ходить не надо было, а Михаил взялся всячески развлекать ее. Так как психическое здоровье способствовало и физическому выздоровлению. Это, с его слов, но и так всем было известно. Каждый день они ходили либо в театр, либо в музей, либо в картинную галерею, либо в кино.

– В Москве был в музеях и театрах, но давно, – сказал ей Михаил. – Сейчас, с тобой, как заново.

Больше всего Таню поразил Большой театр. Она никогда там не была, и никогда бы не побывала без Михаила. Стоимость билетов, да еще на хорошие места, зашкаливала. Но Миша ничего даже слышать не хотел.

– Прекрати думать о чем-то и напрягаться. Не была ни разу? Прекрасно! Сейчас будешь! Просто расслабляйся и получай удовольствие.

Таню немного смущало, что рядом с таким шикарным мужчиной она выглядит как-то очень уж просто. Нет у нее шикарного платья, да и менять каждый день она их не могла. Ходила в одном классическом черном платье, меняя только бижутерию и красивые цветные платки.

Но даже ей было заметно, что внешне она изменилась в лучшую сторону. Лицо у нее просветлело, появился румянец, глаза сияли. Даже волосы приобрели блеск, легче укладывались и лучше лежали. Она вдруг заметила, что у нее весьма хорошая фигура, тонкая талия, стройные ноги. И что ей не все в жизни, как она думала, безразлично. Что она наслаждается и театральными постановками, и прогулками в парках, и, конечно, обществом Михаила. Вечером они ужинали в ресторанах. Несколько раз Таня уговорила его остаться дома и порадовала его домашним ужином. Однажды Михаил встал к плите и приготовил сочные стейки.

– Я по весне на шашлыки тебя возьму, если еще здесь буду, – сказал он и осёкся.

Таня тогда в первый раз подумала о том, а что с ней будет, когда закончится его командировка. Но эти мысли она старалась гнать.

Ей было очень интересно с Михаилом, да и он, вроде, не тяготился общением с ней, а, наоборот, с удовольствием водил ее везде и все время пытался сделать ей подарок, завести в дорогой бутик, чтобы она выбрала себе из одежды все, что хочет. Но Таня не могла себе это позволить.

– Да ты что, Миша! С какой это радости ты должен это делать мне? Нет, если тебе стыдно со мной ходить и я плохо выгляжу...

– Выглядишь ты великолепно. И я горжусь, что рядом со мной находится такая умная и интеллигентная женщина. Это – большая удача. Да еще и красивая. Совсем повезло. Я хочу тебе сделать приятное. Я же имею на это право?

– Наверное, да. Но мне неудобно. Я могу без этого обойтись. Я наслаждаюсь нашими походами, – ответила ему Татьяна.

– А я как мужчина страдаю. Просто как стихийный дизайнер хотел, чтобы тебе подошло. А это ты должна была примерить...

Где-то через неделю таких тесных и очень приятных отношений они опять вместе сидели вечером за компьютером, и Михаил целовал ее снова и снова. В эту же ночь они стали близки, и до самого утра были вместе.

Для Тани это был особый этап в ее жизни. Михаил стал вторым мужчиной в ее жизни и первым, с которым она поняла, что людей влечет в эти сексуальные отношения. Она была так счастлива, что не заметила его несколько растерянного состояния.

– Сегодня точно я приготовлю тебе завтрак.

Таня упорхнула в его футболке, которая была как мини-платье, на кухню.

Она взбила в блендере яйца с молоком и стала нарезать бекон, когда услышала звонок в дверь. Понятно, что Михаил пошел открывать. Она вытерла руки бумажным полотенцем и решила посмотреть, кто пришел. Голос Миши и женский голос заставили ее остановиться в гостиной и прислушаться.

– Звоню, звоню с вечера, всё недоступен. Решила проверить, всё ли нормально. Господи, как же я по тебе соскучилась!.. – услышала она торопливый женский голос.

– Анна, прошу, не надо. Уходи, пожалуйста. Я не хочу выглядеть свиньей, но тебе лучше уйти. Аня, пожалуйста, я сам к тебе приду, – сказал Михаил.

– Я очень соскучилась! – настаивала женщина, и Таня уловила какое-то движение за углом, который вел в коридор.

Ей и так было неприятно, что она подслушивает. Таня выдохнула и вышла в коридор.

Михаил стоял с опущенными руками, а яркая блондинка вцепилась ему в плечи и шею и страстно целовала в губы. У Тани даже изображение поплыло перед глазами. Женщина заметила ее и отпустила Михаила.

– Опа! Вот оно что?! Как же ты дошел... до этого? Ах ты...

– Анна! – одернул ее Михаил.

– Не хотите позавтракать с нами? – спросила Татьяна изменившимся голосом.

– Нет! Что вы! Я сыта по горло! – хохотнула Анна и, криво усмехнувшись, вышла, хлопнув дверью.

Михаил обернулся к Тане.

– Извини меня.

– У вас что-то есть? Ты не должен передо мной отчитываться. Я мешаю тебе?

– Да что ты такое говоришь, Таня! Конечно, нет! Это моя бывшая... Да, у нас были когда-то отношения, и к ним я больше не вернусь. У меня была прошлая личная жизнь... Я не так молод уже... Не дуйся на меня, – подошел к ней и обнял ее Миша.

– Хорошо-хорошо. Пусти, я пойду доготовлю завтрак, – все-таки несколько напряглась Татьяна.

* * *

Уже после завтрака Михаил, заметивший перемену в настроении Тани, спросил у нее:

– Почему ты такая напряженная? О чем ты все время думаешь?

– Про сына. Влада... Чем он там занимается? Давно не видела.

– Так узнай у него, – предложил Миша.

– Я его видела по видеосвязи до последнего времени. Потом бывший муж продал сначала свою цепочку с крестиком из золота, обручальное кольцо и, как выяснилось, мой компьютер, – пояснила Таня.

– Что же ты сразу не сказала! Здесь примерка не нужна! – воскликнул Михаил.

И уже вечером он презентовал Тане новый ноутбук с очень хорошими техническими возможностями.

– Бери и пользуйся! И без всяких возражений! Мы вместе, и я имею право своей женщине сделать подарок!

* * *

Никто никогда и не задумывался о том, что вся твоя размеренная жизнь может круто поменяться в одну минуту, за одну фразу, за одно действие. Ну, правильно, летишь в самолете, крушение... и все. Или едешь в автомобиле, и все... Причем, жизнь меняется, и не только у тебя, но и у всех твоих родственников, которые тебя любили.

У Тани не настолько кардинально поменялась жизнь, но перевернулась с ног на голову. Вернее, наоборот, вернулась к тому, к чему она привыкла.

Михаил сказал, что ему все-таки на немного надо съездить на работу, а Татьяна пошла в поликлинику, чтобы закрыть больничный. Голова еще немного болела, но на работу выходить надо было. После поликлиники Татьяна зашла в магазин, купила кое-какие продукты и вернулась в квартиру Михаила, где у двери квартиры ее встретила все та же пухлогубая блондинка с накладными ресницами. Высокие каблуки, короткая красная юбка, манто под леопарда и яркий макияж... Со вкусом у дамы была беда...

Сердце у Тани сжалось. Эта встреча явно не сулила ей ничего хорошего.

– Здравствуйте, вы к Михаилу? – спросила она.

– Какая вы догадливая. Нет, я к тебе, Татьяна. Тебя же так зовут?

– Да... А мы знакомы?

– Кажется, мы виделись. Но про твою жизнь я кое-что знаю. Муж – тиран, многолетнее домашнее насилие.

– Откуда вы знаете? Вам Михаил сказал? – Татьяна нервно закусила губу.

Блондинка ухмыльнулась.

– Ты же думаешь, что Мишаня архитектор? Знаю... Он не меняет легенду. И в какой-то мере он действительно архитектор... Женских душ. Я была близка с ним, но изначально знала, кто он. Михаил – один из лучших психологов, психотерапевтов, доктор наук. И вот сейчас он занят проектом о домашнем насилии. Кстати, он разбирает случаи, когда тиранами становятся не только мужчины, но и женщины. Он пишет книгу, научный труд. Ты не первая его клиентка и героиня, но, я смотрю, с тобой он перешел грань, которую раньше не переходил и ничего подобного себе не позволял. И мне тебя стало жалко чисто по-женски. Пока не влюбилась, беги. Это не очень честно с его стороны.

– Кто вы? – едва шевеля губами, тихо спросила Таня.

– Редактор крупного издательства, которое заключило договор на издание его труда. Да что ты так побледнела! Расстроилась? Да, это неприятно, но надо во всем найти положительное. Ты прекрасно провела время с красивым, умным мужиком, к своему чудовищу ты вряд ли вернешься, надо начинать жить сначала. Значит, Миша решил сделать из тебя подопытного кролика? Славно... – Блондинка опять улыбнулась краешком ярких губ. – Прости. Но мне показалось, что ты должна знать правду. Чао! До новых встреч, крошка! – И она застучала каблуками вниз по лестнице.

Дальнейшие события протекали для Тани словно в тумане.

Она, как сомнамбула, вошла в квартиру Михаила, разложила продукты по полкам холодильника. Потом вышла из квартиры, захлопнула дверь и спустилась в подъезд. Она кинула ключи Михаила в его почтовый ящик, потому что точно знала, что он им пользуется, забирая присланные документы. Она собрала небольшую сумку со своими вещами и поехала к своей подруге Алисе. Они вместе работали в бюро переводов.

Подруга обрадовалась ее неожиданному приезду. За чашкой чая Таня прямо и вывалила ей всё, что с ней произошло, потому что испытывала непреодолимое желание с кем-то поделиться. У Алисы глаза расширились от волнения.

– Какой ужас! Мы с девчонками не знали, почему ты на больничном, кто-то предположил, что наверняка к этому приложил руку твой бывший. Такая гадина! Звонила, ты не отвечала. Я даже приходила к тебе, но никто не открыл. Урод! Все-таки довел тебя до больницы! Говоришь, задержан? Очень хорошо! Пусть ему там по башке и почкам настучат! А тебе уходить от него надо! Ну, хочешь, поживи какое-то время у меня. Или на даче... Она у меня теплая! Ты была, знаешь, там можно жить круглый год. Далеко до работы тебе будет, но что делать. Купи автомобиль. Какой-нибудь подержанный дешево можно взять. Сын рано или поздно выучится, и тебе за него платить уже не придется, жизнь наладится...

Таня слушала Алису и понимала, что только сейчас реально видит те пути, которыми всегда можно было воспользоваться, чтобы не мучиться рядом с этим упырем. Но почему-то, находясь рядом с тираном, думаешь только о том, что тебе некуда деться. Словно он тебе это внушает: «Да куда ты пойдешь? Да кому ты нужна? Да я тебя убью...» И ты впадаешь в состояние полной парализации воли, погружаешься в безысходность.

– Михаил открыл мне глаза, как должно было быть. И я теперь не смогу вернуться к прошлой жизни, – сказала Татьяна.

– Но каков подлец! Обманул же тебя! – ахнула Алиса. – А что? Красивый?

– Очень. Добрый и умный...

– Ага! Добрый... Профессиональный обманщик! Запудрил тебе мозги и воспользовался! Как он вышел на тебя? Откуда узнал, что Сашок тебя мутузит?

– Не знаю. Я думала уже об этом. Я же несколько раз обращалась в травмпункт – то упала, то стукнулась, то не вписалась в дверной проем. Но врачи-то не дураки, они осматривали меня с пониманием. Может, они кому-то сливали сведения о женщинах с характерными травмами, – предположила Татьяна.

– Всё продается... – покачала головой Алиса. – Слушай! А может, эта... как ее? Анна! Просто завидует тебе? Может, обманывает? Ревнует? Ты должна поговорить с Михаилом. С какой стати слова этой крашеной лярвы принимать на веру?

– Нет, Алиса, я не хочу выяснять отношения. Не хочу слышать оправданий. Это стыдно. Я узнала правду и этого достаточно.

– Правду? Анькины враки ты узнала. Слушай, нельзя же быть такой доверчивой! Захотела какая-то брошенная бабёнка тебе отомстить и отомстила! Наврала с три короба, а ты уши-то и развесила. А ей только того и надо. Ты мужика прогнала, а она его опять захапала. Как знаешь, подруга, как знаешь... Но я останусь при своем мнении. Всегда надо выяснять всё до конца, а не прятаться в свою раковину. Ладно! Твое дело. Девочка ты уже взрослая. Как там Влад?

– Хорошо, учится. Баскетболом занялся, включили уже в команду, ребята приняли. Я компьютер, который мне Миша подарил, у него в квартире оставила, по понятным причинам...

– Потому что дура набитая! – прокомментировала подруга.

– Можно с твоего скайпа сейчас ему позвоню?

– Да, конечно! И я привет передам! Хоть бы на каникулы приехал. – Алиса принесла ноутбук.

На вызов Влад сразу же откликнулся.

– Мам, привет! Ты где? Куда пропала? Тебя Михаил разыскивает, – сразу же выдал ей сын.

Таня заволновалась.

– Откуда ты его знаешь?

– Я рад за тебя! Не волнуйся, я все понимаю. С отцом ты счастлива не была, – сказал парень.

– Вот молодец! – встряла Алиса. – Владик, какой ты умный! Привет-привет! – наклонилась она к монитору.

– Здрасьте, тетя Алиса.

– Откуда знаешь Михаила? – настаивала Татьяна. – Ты не сказал...

– Один раз я к тебе прорывался. Звонил, звонил... Тебя, наверное, не было. А он мне ответил, мы познакомились. Ну, и так поболтали...

– Я не знаю, что ты там себе надумал, но между нами ничего нет. Не лезь во взрослые дела и не общайся больше с ним.

– Узнаю маму. Очень жаль! Михаил мне понравился. Мам, мне было бы спокойнее за тебя.

– Ладно, обо мне потом поговорим. Ты здоров?

– Да, всё отлично. Не волнуйся.

– Целую тебя, сынок. Звони почаще!

После разговора с сыном Татьяна тяжело вздохнула:

– Смотри, какой... Точно! Психолог! Даже к сыну моему ключик подобрал!

Подруги засиделись допоздна, и уже затемно Таня вернулась домой. Подойдя к своей квартире, она вдруг интуитивно что-то почувствовала. Вставила ключ в замок, но не успела его даже повернуть. Дверь распахнулась, и перед ней возникло самое ненавистное лицо в ее жизни – Сашкино. Бледный до синевы, с красными синюшными губами и глазами с алкогольным дурманом, он был противен и страшен одновременно.

– Не ожидала? – покачнулся он и ухватился за косяк. – Думала, в моей квартире порхать будешь, коза? Думаешь, перевоспитала меня? Дура, что ли? Ты только озлобила меня! Я тебе этого никогда не прощу! Теперь я точно тебя уничтожу. – И он нанес резкий короткий удар ей в живот.

Таня ахнула и повалилась спиной назад, но почему-то удержалась на ногах.

– Что творишь, урод? – Михаил, оказавшийся сзади и подхвативший ее, отвёл Татьяну чуть в сторону и бросился к Сашке.

– Ах ты гнида! – Он с лёту ударил его и начал изо всех сил колошматить. – Сволочь! Я урюю тебя! Хоть пальцем еще тронешь Татьяну, ходить будешь только под себя, понял? Вот только попробуй!

Татьяна, раздышавшись, повисла на нем.

– Не надо! Прошу! Еще убьешь и сядешь...

Михаил остановился.

– Полицию вызвать и упечь тебя снова, козлина? Соскучился по нарам? Я тебе устрою!..

– Это еще кого заметут, – сплюнул кровь Александр, пытаясь подняться с пола.

– Заглохни, падаль! – замахнулся на него Михаил. – Еще что-нибудь вякнешь, я тебе язык вырву!

Сашок закрылся рукой.

– Пошли со мной! – повернулся Михаил к Татьяне. – Я тебя здесь не оставлю!

– Не надо! Я сам уйду! Глаза бы мои вас не видели!..

Сашок с трудом поднялся, утирая кровавые сопли, сунул ноги в ботинки, сдёрнул с вешалки куртку и, зверем посмотрев на Таню, вышел из квартиры, толкнув Михаила плечом.

Татьяна вошла в квартиру, следом за ней Михаил.

– Таня, – протянул Михаил к ней руки.

– Не трогай меня! – отшатнулась от него Таня. – Уходи!

– Не горячись. Выслушай меня. К тебе приходила Анька...

– И я узнала о тебе много интересного.

– Не нужно быть такой доверчивой, Таня. И нужно расставить правильные акценты в этой истории. Я виноват. Но не виноват... Так бывает. Наша встреча не была случайной, но я не собирался причинять тебе зла. Мы встречались, и я влюбился в тебя по-настоящему. Я боялся тебе признаться, не знал, как это лучше сделать. Учítывая твой прямолинейный взгляд на жизнь... Да, я обманул тебя, но в своих чувствах к тебе я искренен. Ну и что такого, что вначале у меня к тебе был только профессиональный интерес? Да так бывает в какой угодно профессии: у доктора – к пациентке, у пациентки – к доктору, у режиссера – к актрисе... Можно перечислять целый час!

– Миша, прошу тебя. Если ты опытный психолог или психотерапевт, то должен понять, что единственное хорошее, что сейчас для меня можешь сделать, это оставить в покое. Только это! Сейчас мне трудно тебе доверять. Я же тебе душу открыла, впервые вздохнула спокойно, а ты... Книгу пишешь? Я для твоего исследования подходящий материал?.. Желая, чтобы она стала бестселлером, иначе это того не стоило. Никогда!.. Слышишь? Никогда больше ко мне не приходи! Я выживу, не волнуйся. И тебя прощаю... – Она открыла дверь и еще раз посмотрела в его темные глаза. – Помнишь, ты сравнил меня с улиткой, которая несет свой домик и все свои проблемы на себе? Не очень удачное сравнение, господин психолог. Не может простая улитка запросто скинуть свои проблемы, то есть свой домик. Не получится. Улитку освобождают от домика в одном случае, если ее съедают. Так вот, Михаил, считай, ты меня съел. Нет меня больше. Ничего у нас не получится!

И Таня захлопнула перед ним дверь.

Потом она вытирала кровь с пола и долго плакала. А на следующий день пошла на работу – пора было из сказки возвращаться на грешную землю.

* * *

Таня постаралась не думать больше о Михаиле – только о работе, деньгах и о сыне. Как всегда... Нельзя ей было на кого-то рассчитывать – только на себя! Но забыть Михаила Таня, как ни старалась, не могла. Она поняла, что впервые в жизни влюбилась. Все время вспоминала общение с ним, их близость и то облако счастья, которое накрывало ее с головой, когда она была рядом с ним. Да и Михаил не давал ей возможности забыть про него. Каждый день ей доставляли по огромному букету роскошных цветов с самыми трогательными записками от него. Квартира уже превращалась в цветочную оранжерею.

Со страхом Таня ждала возвращения Сашки. Зная его подлый характер, она прекрасно понимала, что он не уступит свою квартиру. И при мысли о нем у Татьяны начинал болеть живот, куда получила такой сильный удар от бывшего мужа. А Михаил звонил ей, приходил и стучал в дверь. Подкрадываясь на цыпочках к двери, она видела его в глазок и огромным усилием воли не открывала ему. Таня надеялась, что рано или поздно Михаил поймет, что им не надо больше ни говорить, ни встречаться.

* * *

Возвращаясь в очередной раз с работы, Таня увидела у своего дома полицию и «Скорую помощь». Она ничего не могла с собой поделать, но неприятные предчувствия сжали сердце. У подъезда толпились люди, «Скорая» на ее глазах отъехала с включенной мигалкой, за ней тронулась и полицейская машина. Таня подошла ближе, народ не расходился. Таня заметила соседку из соседнего подъезда, женщину активную и громкоголосую. Она подошла к ней.

– Извините, а что здесь произошло?

– Ой, Танечка! Даже не знаю, обрадую тебя или нет? Муженек твой, который из тюрьмы вернулся, совсем озверел!.. Напал на мужчину, который квартиру у нас снимает. Номер семь-

десять... Ну, ты его знаешь, вы дружили... – Тётка прищурилась и с хитрецей посмотрела на Татьяну.

– И что? – замерла Таня.

– Подло так напал, со спины... Ну, и пырнул его ножом. Несколько раз!.. Без сознания в больницу увезли...

– Куда? – выдохнула Таня.

– В Склифосовского, наверное, уж больно травмы серьезные. А Сашку скрутили, мне кажется, что он допился до ручки, совсем с ума спрыгнул. Даже радовался... гад. Говорил, что тюрьма его не пугает, лишь бы ты поняла, что он отомстил твоему хахалю. Но его теперь надолго закроют, и ты хоть вздохнешь спокойно. А ты куда, Таня? Эй, подожди!..

Но Таня уже бежала в сторону метро.

* * *

Последующие двое суток Таня провела в больнице. Михаила прооперировали, состояние его было тяжелое. Увидеть его она не могла, хотя знала, что он пришел в себя, и одну встречу ему разрешили. К нему пустили его родственницу и какого-то мужчину представительного вида с чемоданчиком в руках.

Таня готова была сидеть в больничном холле сколько угодно дней и ждать своей очереди для встречи с ним. Ей надо было о многом сказать Мише. И самое главное, о том, что она его очень любит, что прощает, и ей все равно, с ней он будет или без нее, главное, чтобы был... Про Сашку и его дальнейшую судьбу она даже ни разу не подумала. Жить в его квартире она не собиралась, а хотела воспользоваться предложением подружки и переехать к ней на дачу.

На третьи сутки к ней подошел доктор, уточнил, кто она. Он сказал, что очень сожалеет, но Михаил Амирович Ахба скончался. Дальше Таня ничего не слышала. Она словно попала в другое измерение, сердце сжало так, что ей стало трудно дышать.

– И так состояние было нестабильное, – кажется бормотал доктор. – Ну, и... Извините, сделали что смогли...»

Доктор попросил проходившую мимо медсестру принести Тане стакан воды. Татьяна машинально выпила, поблагодарила кивком, но сознание всё еще не возвращалось к ней. Внезапно ее затрясло. Ей стало безумно холодно, и она обхватила себя руками.

Доктор вызвал такси, и Таня поехала домой.

На следующий день ей позвонил незнакомый мужчина и попросил приехать в нотариальную контору.

Татьяна постучала в нужную дверь и вошла в кабинет.

Лысеющий господин лет пятидесяти поднялся к ней навстречу.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал он. – Я нотариус. Вызвал вас по наследственному делу. Я должен ознакомить вас с завещанием господина Ахбы Михаила Амировича. Господин Ахба оформил на вас дарственную на свою квартиру. Вы были его гражданской женой...

– Мы жили вместе две недели, – глухо ответила Татьяна, – Не понимаю, какая дарственная? Я не успела с ним даже поговорить. Не надо мне ничего.

– Я понимаю, в каком вы состоянии, но мой вам совет: не делайте ничего на горячую голову. В любом случае, хотя бы переспите с этой мыслью. Сделка совершена, вот ваш документ. Окончательно владелицей жилья вы станете через шесть месяцев, если никто не оспорит. Но Михаил Амирович заверил меня, что никто не нарушит его желания. Словно чувствовал, что умрет. Сестру устроила крупная денежная сумма. Квартира ей не нужна. Она не собирается менять место жительства. Живет в Сибири, в своем доме. Туда же отвезут и тело для похорон на родине, рядом с отцом Михаила Амировича. И поймите меня правильно. Воля умирающего человека для меня закон, и мне ваша квартира тоже не нужна. Берите и делайте

с ней всё, что считаете нужным. Нюансы по оформлению или отказу в пользу государства вам объяснят юристы.

Татьяна вышла за дверь, держа в руках дарственную. Она попыталась прочитать документ.

– Санкт-Петербург... О господи!.. Санкт-Петербург... – поняла она.

* * *

Шли дни. Таня себя очень плохо чувствовала, всё время плакала. Считала, что не имеет права ни на что, что могло достаться ей от Миши. Он погиб от ножа ее бывшего мужа-алкоголика. Если бы Миша не встретил ее, то остался бы жив. В одну из ночей Тане стало совсем плохо и наутро она пошла к врачу. Доктор попросил ее сдать анализ крови и отправил на УЗИ.

Через два дня Таня вошла в знакомый кабинет, чтобы узнать результаты анализов.

– Ну, что... Не знаю, обрадую я вас или нет, но вы беременны, – сказала ей молодая докторша.

– Не может быть!..

– Это абсолютно точно, примерно пять-шесть недель. Вам нехорошо?

– Нет-нет... Всё нормально. Извините.

– Рекомендую вам сразу встать на учет. Не тяните.

Татьяна кивнула.

– Спасибо, доктор. Обязательно.

Татьяна вернулась домой. Она прошла в комнату и без сил опустилась в кресло. Перед ней на журнальном столике лежала папка с дарственной на квартиру в Санкт-Петербурге и снимок УЗИ, на котором была запечатлена малюсенькая жизнь, сердечко которой уже билось в ней. Возраст, непосильная денежная нагрузка за учебу сына, смерть отца ребенка – всё это наводило на определенные мысли.

«Нет-нет, малыш, не бойся. Ты был зачат в любви, и я виновата перед твоим отцом в том, что втянула в этот ад, и он успел подумать о нас. Я не избавлюсь от тебя. Ты будешь жить со мной. У тебя будет старший брат. Я буду любить тебя и за себя, и за твоего отца. А когда вырастешь, я обязательно расскажу тебе, каким замечательным человеком он был и как бы тебя любил. Ну, что ж... А жить мы с тобой будем в Санкт-Петербурге...»

* * *

Татьяна уволилась с работы. Начальник и коллеги взяли с нее честное слово, что она будет делать переводы внештатно и очень тепло проводили ее. Она попрощалась с друзьями, собрала большой чемодан, купила билет на «Сапсан» до Питера и отправилась в новую жизнь.

Как-то так получилось, что Татьяна никогда не была в Санкт-Петербурге. Всё собиралась-собиралась, но почему-то что-то обязательно мешало ее поездке. И вот она в городе на Неве...

В город Таня влюбилась сразу, а квартира вообще поразила воображение. Она находилась в Клубном доме на набережной Мойки. Таня всегда мечтала жить с видом на море или реку. Квартира была обставлена шикарно. Антикварная мебель, потрясающая спальня, встроенные шкафы-купе для максимального освобождения пространства. Многоуровневый свет, дизайнерские люстры, опускающиеся плотные жалюзи на всех окнах, потому что в Питере белые ночи. Огромный телевизор на всю стену. Кухня была снабжена всеми видами техники в помощь хозяйке. Прозрачная джакузи под черным потолком со звездным небом.

– Спасибо, Миша! Любимый Миша! Тебе бы жить и жить... Как же все красиво!.. Обещаю тебе, что твой ребенок будет жить здесь и что он будет счастлив...

Таня достала из гардероба один из его свитеров, обняла его, свернувшись калачиком, и горько заплакала, пытаясь почувствовать родной запах. Черная тоска не отпускала ее сердце.

В последующие дни она встала на учет в женской консультации и обратилась в Центр занятости. Сидеть дома в одиночестве она просто не могла физически.

В Центре занятости ее встретила строгая дама с гладко причесанной, словно лакированной, головой. На бейджике значилось: Олеся Богдановна Полянская.

– Слушаю вас, – качнула она очками в модной оправе, приглашая посетительницу сесть.

– Я хочу найти работу по профилю. Я переводчица.

– Где работали?

– В Москве. Я недавно переехала в Санкт-Петербург.

– Прописка?

– Будет через полгода. Я вступаю в права наследства.

Дама недовольно качнула головой и что-то отметила в листочке, лежащем перед ней.

– Языки?

– Английский и немецкий. Свободно. Вот диплом и трудовая книжка.

– Так... – Дама полистала книжку. – Понятно. Ну, хорошо. Посмотрим. Как вам наш город и наш климат? – спросила Олеся Богдановна.

– Прекрасно. Я к дождям готова.

– Это радует. Но почему бы вам не поработать дистанционно? Ваша профессия вам позволяет, да и связи, наверное, у вас имеются.

– Всё так. Но я пережила смерть близкого человека, переехала в незнакомый город. Мне трудно находиться в одиночестве.

– Переводчица... – Дама внимательно смотрела на экран монитора. – Буквально одна вакансия, но с длительными командировками... – Она вопросительно посмотрела на Татьяну.

– Нет... Извините, не смогу...

– Так... Учительница английского языка в школу.

– Я никогда не работала учительницей. У меня сын учится на платном и за квартиру тоже нужно прилично платить.

– А на какую сумму вы рассчитываете? – спросила Олеся.

– Хотя бы пятьдесят-шестьдесят тысяч.

– Понятно... Вот требуется личный секретарь со знанием языков в фирму, оклад подходит, но строго до двадцати восьми лет. Вам сколько?

– Сорок.

– Нет, это сильный разрыв. А вам обязательно по специальности?

– Уже нет.

– Главное – это сумма?

– Ну, да. И не тяжелый физический труд.

– Проблемы со здоровьем? – бросила на нее быстрый цепкий взгляд Олеся Богдановна.

– Я беременна.

Дама уронила ручку.

– Вы вообще что?

– Что я?... – не поняла Татьяна.

– Да кто же в таком положении возьмет вас на работу?! Ну, вы что! Словно с Луны свалились! У молодых женщин проблемы из-за этого при устройстве на работу! Всем известно, что молоденькая сотрудница поработает несколько месяцев и уйдет в оплачиваемый декрет, а потом с больничного на больничный... А вы еще об этом мне сказали! Как я теперь найду вам работу? В вашем возрасте – единственное преимущество было то, что у вас уже все позади, кроме климакса, и вы будете честно трудиться без срывов. А тут сорокалетняя беременная

дама! Здравсьте-подвиньтесь! Как я потом в глаза буду смотреть работодателю, к которому вас пришлю?

– И что же мне делать? – растерялась Таня. – Я детей кормить должна.

– А я тут при чем? Обратитесь к их отцу. Алименты!

– Один в тюрьме, другой умер, – ответила ей Таня, вставая с места. – Простите...

Несколько дней она обивала пороги разных организаций и центров занятости, но везде был отрицательный результат. Деньги заканчивались. Она позвонила сыну и ошарашила его тем, что живет теперь в Питере, в большой квартире.

– Ну, ты даешь! Круто! Рад за тебя! А как ты там оказалась? Почему так долго не звонила? – заволновался сын.

– Извини, сынок. Очень занята была. Мы, когда с тобой встретимся, я тебе всё объясню. Сыночек мой родной, мы теперь не зависим от твоего отца.

– Ой, не надо о нем!

– Не буду. Просто теперь мы никогда с ним вместе жить не будем. Скажи, если я не смогу платить за твое дальнейшее обучение, ты вернешься ко мне? Мы будем жить в Санкт-Петербурге... – с замиранием сердца предложила Таня.

Влад несколько удивился.

– Мама, у тебя проблемы? Скажи, что-то случилось? Я же чувствую! У меня оплачен месяц, и я доучусь! Ты ничего мне не шли. Мне всего хватает. А дальше... Жалко, конечно, будет уезжать, потому что мне нравится и обучение, и друзей здесь нашел, но я, конечно, всё понимаю. Приеду к тебе и продолжу учиться в одном из самых красивых городов России! Не печалься, мам! Всё хорошо!

– Спасибо, миленький, – прослезилась Таня, понимая, что продолжит поиск работы. И если ей удастся, то Влад доучится там, где ему комфортно, где нравится.

В квартире, которая теперь принадлежала ей, была огромная библиотека, в основном состоящая из книг по философии и психологии известных специалистов. Были книги и самого Миши. Ну, и конечно, русская и зарубежная классика. Она читала по вечерам, сидя на балконе под пледом или в доме у электрического камина. Таня поражалась, как ей нравились все эти книги, с любовью собранные Мишей. Сердце разрывалось, когда все больше и больше она убеждалась в том, насколько они подходили друг другу, насколько близки у них были интересы и вкусы. И его одежду она продолжила беречь, засыпала с его свитером. Словно только он мог дать ей защиту.

В один из дней она пошла в пекарню позавтракать выпечкой и чашечкой кофе. И случайно наткнулись на объявление, где приглашался учитель английского языка в частный детский садик. Возраст не указывался.

Таня поняла, что терять ей всё равно нечего, и не особо рассчитывая на успех, предварительно позвонив и назначив встречу, пошла на собеседование. Именно пошла, потому что частный детский садик «Мечта» находился в двух кварталах от ее дома.

Директриса ей сразу же понравилась, она приняла ее как родную, предложила чай, поговорила с ней о ее профессии, потом показала свои владения. Это был действительно элитный детский садик с бассейном и огромным спортзалом.

– Мы стараемся приглашать для развития детей профессионалов, и вы с вашим опытом нам подходите. У вас будет средняя группа из десяти детей. Родители платят за иностранный язык по десять тысяч рублей в месяц. Итого, сто тысяч, вам на руки семьдесят тысяч и бесплатное питание. Согласны?

– Да! – просияла Таня, которая о лучшем и не мечтала.

* * *

С тех пор начался новый и поистине счастливый период в жизни Татьяны. Она никогда и не предполагала, что так легко поладит с детьми и что у нее есть педагогическая жилка. Раньше она предпочитала сидеть за компьютером. А общение с детьми оказалось таким классным. Конечно, возможно, ее к этому так склоняло и умиляло ее собственное положение. Но дети ее любили и показывали успехи в английском языке. Многие готовились поступать в первый класс английской школы, и Таню попросили заниматься сверхурочно за хорошее дополнительное вознаграждение. Денег Татьяне хватало с лихвой, и сын ее остался учиться там, где хотел. О своем интересном положении Таня никому не говорила, решив и сыну сообщить после рождения ребенка, чтобы он не нервничал и не задавал ненужных вопросов, на которые она не могла ему ответить.

Шел уже шестой месяц, но так как она была очень худенькая и носила просторную одежду, то никто живот и не замечал. Таня и не распространялась, дорожа своим местом и своими детьми. Да и чувствовала она себя совсем даже неплохо. Первоначальная тошнота прошла, наступило принятие ситуации и умиротворение. Среди ее учеников была четырехлетняя девочка Алина, которую всегда привозил и забирал отец. Евгений Алексеевич – очень приятный и обходительный мужчина, примерно одного с Татьяной возраста.

Директриса садика шепнула ей на ухо:

– Между прочим, разведенный. Жена сбежала с любовником. Дочке тогда было два годика. Не понимаю я таких женщин. Это очень состоятельный мужчина, финансовый директор одного известного питерского банка. Но у нас тут простых родителей, конечно, нет...

– Интересная информация. Жалко, что Алиночка без мамы, – кивнула Таня, занимаясь своими делами. – Только почему вы мне это говорите?

– Не понимаешь? Каменная, что ли? Или Снежная королева? Такой кадр пропадает! Да очередь выстроится. Он уже вертихвосткам всяким не поверит и будет в первую очередь смотреть, чтобы его Алинка к женщине хорошо отнеслась и женщина к ней. Все еще не понимаешь? Алинка тебя любит, тянется к тебе...

– У меня со всеми детьми хорошие отношения. Да, Алина очень ласковая девочка, и теперь это объясняется легко, раз у нее нет мамы. Она интуитивно к женщинам тянется, – ответила Таня.

– Да присматривается Евгений Алексеевич к тебе! Что непонятного? Он уже и расспрашивал про тебя...

– Вот как? И чем же он интересовался?

– Ну, замужем-не замужем... Откуда? Кто? Я ничего лишнего не сказала. Сказала, что не замужем, что сын-подросток учится за границей. А ты вот умница-красавица у нас теперь, надеюсь, надолго. Я тебе для чего это говорю? Так просто такие вещи не спрашивают. Не будь дурой, обрати внимание на хорошего человека. С ним будешь как за каменной стеной.

– Что вы... мне сейчас совсем не до этого, – занервничала Татьяна.

Но как она ни делала вид, что ничего не замечает, Евгений Алексеевич начал оказывать ей откровенные знаки внимания – приносить цветы, делать комплименты, пытаться задержаться подольше, поговорить с ней, дотронуться рукой. Такой вот легкий контакт...

Таню всё это несколько напрягало. Конечно, любой женщине приятны знаки внимания. Но точно не Тане в ее нынешнем положении. Она хотела остановить его порывы, но не знала, как это сделать тактично, никого не обидев. На них с подозрением смотрели другие родители и няни, которые приводили детей. Словно она специально устроилась в детский садик для богатых, чтобы увести какого-нибудь отца из семьи. А уж все понимающие и одобряющие взгляды директрисы вообще сводили ее с ума. Поэтому, когда Евгений Алексеевич пригласил ее в кафе,

она согласилась, чтобы иметь возможность переговорить с ним с глазу на глаз и прекратить ненужные ухаживания.

Евгений Алексеевич просто светился от счастья, был такой торжественный и с большим букетом... Таня решила долго разговор не затягивать. Не успел официант поставить перед ними заказанную бутылку вина и бокалы, как она начала:

– Евгений Алексеевич, хочу сразу внести ясность. Если вы решили поухаживать за мной...

– Конечно, решил! Просто счастлив, что вы откликнулись! Я давно за вами наблюдаю, вы чудесная, красивая, добрая женщина.

– Так вот, но я еще и честная. Поэтому сразу хочу сказать вам, что между нами быть ничего не может. Говорю тет-а-тет, чтобы не обидеть вас, не скомпрометировать.

– У вас кто-то есть или я настолько неприятен? – расстроился Евгений Алексеевич.

– У меня скоро будет... Я – беременна.

– Ой, Танечка! Извините, по вам совсем не скажешь. Какой конфуз! А отец ребенка? Вы одна здесь...

– Он недавно умер, это всё, что я могу и, извините, хочу вам сказать. – Татьяна встала, собираясь уйти.

– Танечка, простите, не знал. Но не уходите, давайте отужинаем вместе, – удержал ее за руку Евгений Алексеевич.

И вот после этого разговора пыл Евгения Алексеевича, к сожалению, совсем даже не угас. Он продолжил свои ухаживания, только более тактично и заботливо. Таня не знала, что ей и делать. Она-то была уверена, что отпугнет его этим известием. Наверное, надо было сказать, что и сам он ее не привлекает...

Через два месяца он попытался ее поцеловать, и Таня сказала по-честному, что до сих пор любит отца своего ребенка, которого носит под сердцем.

– Его же нет!..

– Ну, и что? Есть мои чувства. И ребенок мой всё время будет напоминать о нем. И фамилию и отчество я дам его.

Евгений Алексеевич, конечно, погрузился, но не сдавался. Они посещали театр, вечера классической музыки – ведь ребенку даже в утробе полезно было слышать классику. Евгений водил Татьяну в лучшие рестораны, целовал ручки, понимая, что на другой контакт она еще не готова.

Татьяна сама уехала в роддом, выслушав целую лекцию от директора детского сада, где много, конечно, было негативного, но закончилось всё положительно.

– Какая же ты молодчина! Какая же ты умница! Как тебя любят дети и как ты устроила меня как руководительницу! Я буду держать твое место для тебя, помогу тебе и буду надеяться, что ты скоро вернешься ко мне, к нам. Мы будем ждать, такую сотрудницу я не потеряю!..

Мало того, провожая ее в декрет, сотрудники купили ей шикарную кроватку с бельем и тканевым навесом. Таня была искренне тронута. Деньги у нее были, она понимала, что сможет обеспечить своего ребенка всем необходимым.

Родила Таня сама, без кесарева, дочку – три килограмма двести граммов. Из роддома ее забирала заведующая детским садиком и Евгений Алексеевич. Они принесли теплые вещи, утепленный конверт, цветы, шарики, подарки медикам. На дворе стоял поздний ноябрь.

– Я делаю тебе предложение. Таня, хочу, чтобы ты стала моей женой. Я стану настоящим отцом и другом для твоего ребенка. Все равно тебе и твоей девочке будет лучше со мной. Я всё тебе обеспечу. Найму няню. Хочешь – работай, хочешь – нет. Я оплачу учебу твоему сыну и сделаю для тебя всё. Хочу, чтобы такая женщина, как ты, была рядом со мной.

А дальше медленно и тактично начала свою обработку директриса садика:

– Таня, не будь маленькой девочкой. Смотри трезво на жизнь. Подумай о ребенке. Евгений обеспечит тебя! Прошлого не вернешь. Надо жить дальше. Думай не о себе. Дети! Это – главное! Евгений Алексеевич еще и главный спонсор нашего садика. Порядочный и положительный человек. Хорошо подумай, Танюша. Твой любимый всё равно не вернется, а жить-то тебе надо не только ради себя, но и ради детей. И я тебя во всем поддержу!

* * *

– Вы обещали меня поддержать? – спросила Татьяна у своей директрисы.
– Конечно! И не откажусь никогда! – подтвердила она.
– Мне Евгений сделал предложение. Я взяла время подумать. Мне два дня надо, чтобы мой ребенок побыл с кем-то. Нужно съездить в Москву по делам.
– Хорошо! Я посижу с твоей малышкой, съезди в столицу и прими правильное решение, – согласилась директриса.

Именно в эту поездку Таня собиралась со всей серьезностью. Она понимала, что должна была с чем-то попрощаться, что-то простить и отпустить и вернуться на точку невозврата. Но после она должна была принять очень важное решение для себя и для своей дочери, и для ждущего Евгения. И все они заслуживали получить этот ответ.

* * *

Давно Таня не была в Москве, а ведь это тоже был потрясающе красивый город. В этот город многие так стремились, а вот Тане он счастья не принес. Она прямо с вокзала подъехала к своему бывшему дому. Со щемящим сердцем прохрустела по снегу по своему двору и посмотрела в темные окна квартиры. Злобы не было, не было ничего... Она не знала, сколько дали ее бывшему мужу и знать не хотела.

В квартире, которую когда-то снимал Михаил и в которой они вместе провели всего лишь две недели, горел свет. Или вернулись хозяева, или давно уже жили другие жильцы. Сердце Тани наполнилось любовью, она ничего не забыла. Она вспомнила слова Евгения: «Разве можно так полюбить человека, чтобы оставшуюся жизнь провести только в думах о нем? Разве это разумно?»

Таня подняла лицо к звездному небу и сказала вслух:

– Я не знаю. Я не нашла ответа, но этот вопрос в твоих книгах, Миша. Можно полюбить за один день и вспоминать всю жизнь, а можно годы провести вместе и ничего подобного не почувствовать. Я вернулась сюда, чтобы закрыть зизгаз судьбы. Он произошел здесь, здесь и замкнется. Я готова к переменам. Я, скорее всего, приму предложение Евгения и буду растить нашу дочь. Она узнает, кто был ее отец, обещаю. Но Женя будет хорошим отчимом. Я научилась выбирать нормальных мужчин...

Таня вытерла слезинку, которая от мороза прожигала ее щеку, словно ножом и пошла по улице в круглосуточный магазин.

Она столкнулась с продавщицей, которая закрывала дверь на ключ.

– Ой, пожалуйста! Продайте мне шампанское!.. – попросила Таня.
– Девушка, у вас совесть есть? Через час Новый год!
– Вы же всегда работали круглосуточно, – взмолилась Таня.
– Но не в Новый же год! Сегодня с двадцати двух до десяти утра перерыв! Меня семья ждет!
– Пожалуйста... Мне некуда идти...
– Как это некуда? А где вы будете встречать Новый год? – остановилась продавщица.

– Я из Санкт-Петербурга. В четыре утра у меня поезд в Питер, а Новый год я встречу здесь, в парке. Но мне нужно шампанское! Пожалуйста!

Что-то в глазах Тани было такое, что заставило продавщицу дрогнуть.

– Точно, только шампанское?

– Точно.

– Ну, ладно! Давай быстрее! Приехать из другого города, чтобы здесь в одиночку в парке встретить Новый год с шампанским? Но это не мое дело. Каждый ходит с ума по-своему. Какое вам? – спросила продавщица.

– Самое-самое дорогое. «Вдова Клико», например.

– Да вы с ума сошли, что ли? Откуда здесь такое дорогое шампанское? Вот российское есть – самое дорогое. Пойдет?

– Пойдет, – согласилась Таня, еще раз поблагодарила женщину и пошла в парк на знакомую скамейку.

Народу на улице совсем не было, одиночные машины неслись домой, каждый хотел успеть к новогоднему столу. Таня перешла дорогу и углубилась в парк.

Она очень любила легкий морозец, хрустящий под ногами снег и блестящий покров, словно из брызг бриллиантов. Эта новогодняя сказка завораживала. Она не знала, как будет пить шампанское, потому что не могла его открыть, а продавщицу – тоже женщину – она не рискнула попросить. Поэтому Таня, с одной стороны, обрадовалась, что на ее скамейке уже сидел какой-то мужчина, склонив голову, а с другой, огорчилась от того, что именно эта лавка занята.

– Добрый вечер, извините, не откроете шампанское? – попросила она и выронила бутылку.

Хорошо, что он среагировал и поймал.

– Миша?!

Ноги Татьяны подкосились, и она опустилась на лавку.

– Это я... Я жив. Это на самом деле я, – подтвердил он.

– Но как...

Михаил, который выглядел несколько осунувшимся, смотрел на нее и молчал.

– Я не придумал ничего лучше, чтобы исчезнуть из твоей жизни. По-другому ты никогда бы не взяла от меня ни квартиры, ни денег. А разговаривать и быть со мной ты тоже отказывалась. Этот упырь убил бы тебя, и я бы никогда себе этого не простил.

Таня не верила своим глазам и очень хотела дотронуться до Миши, чтобы понять, что это не галлюцинация, не аватар, не мираж.

– Как мне смогли наврать?! Врачи? Сестра? Нотариус! Как это возможно?

– Никакие врачи тебе не ввали, это был переодетый актер, как и моя сестра. Эти люди очень тонкой организации и пользуются услугами психотерапевта. Они помогли мне, потому что когда-то я помог им. Не сердись на них. А нотариус был настоящий. Я даже тогда был не уверен, что ты примешь эту квартиру, – опустил голову Михаил.

– Я и не хотела.

– И был рад, что ты переехала и начала новую жизнь. Это было то, что нужно тебе. Ну, и работа...

– Объявление о воспитательнице с английским языком – твое дело? – поняла Таня.

– Мое... Всё у тебя получилось.

– Почему ты не сказал мне тогда, что жив? – простила Таня.

– Я хотел! Таня, я хотел... Но увидел, что ты в положении, и ужаснулся, во что я тебя верг. Я не знал, Таня... Я понимал, что если внезапно появлюсь перед тобой, то это может быть угроза для ребенка.

– Ты следил за мной?

– Не всегда. Раз в два-три месяца я не мог отказать себе посмотреть на тебя. Потом появился этот мужчина, и я понимал, что не имел никакого права влезать в твою жизнь. Ты заслужила это счастье. Не думай, что твоему бывшему дали большой срок из-за того, что я умер. Я умер только для тебя. Но я ушел из профессии и больше не ставлю эксперименты над людьми. Так что, можно сказать, что Михаил Ахба умер. Теперь я занимаюсь благотворительностью, построил Центр для женщин и детей, подвергающихся домашнему насилию. Я словно замаливаю свой грех. Ты больше меня не увидишь... Я пришел сюда, потому что почувствовал непреодолимое желание сюда прийти. Словно здесь осталась частичка тебя. И был один шанс на миллион, что я именно здесь встречу тебя. – Михаил встал со скамейки.

– Ты опытный психотерапевт.

– Да, наверное. Но счастья мне это не принесло. Будь счастлива, любимая моя. Прощай. Он пошел прочь.

Таня уже во время беседы с ним поняла, что не сможет потерять его во второй раз.

– Счастлива я была только с тобой. И... твоя дочь будет счастлива только с тобой! – прокричала ему вслед Таня.

Михаил вздрогнул, словно ему камнем бросили в спину, и остановился.

– Моя дочь? Девочка... Она моя?

– Все-таки ты не такой умный, – сказала Таня.

Он подбежал к ней, заключил в объятия и покрыв ее лицо поцелуями. К Тане словно вернулась ее прежняя жизнь и жгучее желание жить.

– Ты простишь меня? – не верил Миша.

– Нет, тебя убить мало, но если все сядут за убийство, кто останется с детьми? – вздохнула Таня. – Открой все-таки шампанское. Не такое дорогое и вкусное, как было у тебя, но хоть что-то... Без минуты двенадцать.

Миша выполнил ее просьбу, и они выпили шипучий напиток и слились в поцелуе. И ничего слаще и лучше для Тани не было. Она прильнула к нему, переводя дух, смотря на светящиеся окна в доме, которые просвечивали сквозь ветви деревьев в парке.

– Помнишь, я не знала, что там творится в каждой из этих клетушек? А сейчас, в этот момент, там за каждым окошком – счастье, любовь и надежда.

– Ну, ты даешь... – прижал ее к себе Миша, смеясь. – Сегодня же волшебная ночь.

– Ура! С Новым годом! – раздались первые голоса высыпавших в парк людей с детьми. – С Новым годом!..

И темное небо с мерцающими, мудрыми и хранящими тайны звездами раскрасили разноцветные фейерверки.

Шах белым конём от белой королевы

Глава первая

Вася с детства была трудным ребенком. Да, именно была, а не был... Девочке, родившейся тридцать три года назад, дали имя Василиса, посчитав его необычным, очень русским, что называется народным, словно из присказки «Василиса-краса – длинная коса». Родителям виделся образ милой, спокойной девушки, любящей рукоделие, умеющий вкусно готовить и убирать жилище, примерной жены для будущего мужа, обладающей лучшими чертами настоящей женщины. И это не было их навязчивой идеей. Дело в том, что Василисе было с кого брать пример – именно такой была ее мама Изольда Игоревна. И именно такими мама мечтала видеть своих дочерей – старшую Антонину и младшую Василису. Антонина такой и получилась, а вот Василиса...

«Сорванец! Озорница! Хулиганка! Пацан в юбке! Ей бы мальчишкой родиться! Эх, родители точно вторым ребенком парня хотели...» – вот далеко не полный перечень того, что Василиса слышала в своей жизни.

Целыми днями она возилась только с мальчишками, играя с ними в подвижные и драчливые игры, лазила по деревьям, стреляла из рогатки, с разбегу бросалась в озеро и заливи-сто свистела в два пальца. Василиса ходила лохматая с торчащими во все стороны волосами, вечно исцарапанными руками, сбитыми коленками и постоянными синяками. Родители диву давались.

– Василиска, ну в кого ты такая? – сетовали они. – Посмотри на сестру! Почему ты не берешь пример с нее? Тося – просто ангел, а ты словно бесенок!

Василиса не любила читать, не любила слезливые мелодрамы, в школу ее тоже надо было гнать из-под палки. Она часто прогуливала занятия и хулиганила на уроках, а на переменках дралась с мальчишками. Но при этом по части знаний за ней было не угнаться, девочка все схватывала на лету, контрольные по математике, физике и химии выполняла за пять минут, а в остальное время мешала другим ученикам и учителю. Часто ее удаляли из класса, родителей же, наоборот, очень часто вызывали в школу для понятно каких бесед с учителями и завучем.

«Не ребенок, а чертенок какой-то, – жаловались педагоги. – И сестра этой непоседы – наша лучшая ученица Тося! С трудом верится! Антонина – пример для подражания: всегда опрятна, аккуратна, собрана, от нее слова дерзкого не услышишь, круглая отличница и по предметам, и по поведению. Да они с Василисой просто небо и земля! Никогда бы не подумали, что девочки воспитываются в одной семье!»

Правда, за хорошую успеваемость в школе Василисе прощали вечные двойки по поведению, устав бороться с ее бьющим через край темпераментом. Психологи посоветовали растерянным родителям загрузить дочку различными занятиями в кружках, чтобы у нее физически не оставалось времени на «невинные шалости». Куда только Василису не записали! И в конный спорт, и в бассейн, и в секцию волейбола, и на ритмическую гимнастику... И везде она успевала, везде становилась лидером. Все звали ее просто Вася, отчего у ее мамы Изольды Игоревны становилось плохо с сердцем. Почему-то в сложившейся ситуации она стала винить себя и мужа Николая Сергеевича.

– Мы с тобой еще только жениться стали, а уже о сыне поговаривали. Я тебе угодить хотела – ты ведь человек активный, спортивный, ходишь и на байдарках с мужиками, и в походы, и на рыбалку, и в горы, вот я всегда и думала, что тебе будет интересно этим заниматься с сыном. Что ты сможешь его вырастить таким же спортивным, увлеченным и привить ему здоровый образ жизни... – плача, говорила мужу Изольда Игоревна.

– Успокойся, дорогая, я и девочкам был рад, – пытался (правда, безрезультатно) успокоить жену Николай Сергеевич Лапин.

– Я так хотела, чтобы первенец у нас был – сын! Именно для тебя хотела! Родилась Антонина. Мы все ее полюбили, были счастливы, но мысль о будущем напарнике и соратнике в твоих увлечениях не давала мне покоя. Поэтому я, когда через два года поняла, что снова беременна, сразу же стала просить Господа, чтобы на сей раз точно оказался мальчик. Я все время думала об этом – и вот что наделала! Богом была заложена девочка, а я своими навязчивыми просьбами спровоцировала у нее мальчишеский характер и хулиганское поведение...

– Успокойся, дорогая, не говори ерунды. Девочки тоже бывают разные. Ну и плевать, что она такая активная! Василиска умная и добрая...

– Но вся в синяках, а дневник в замечаниях, – сердилась Изольда Игоревна. – Я вижу, как она похожа на тебя. Думаешь, я не понимаю, что ты прячешь улыбку, пытаешься строго говорить с ней? Ты просто гордишься, что Василиса – настоящая сорвиголова! Наверное, вспоминаешь детство и узнаешь в ней себя, так? Но ты забыл одну важную вещь: она – не мальчишка, а – девочка! А выглядит как бесенок!

– Зато твоя... то есть наша старшая дочь полностью соответствует твоим представлениям о примерной девочке, – сквозь смех возражал Николай Сергеевич.

– Да уж, Тося – вся в меня! Но материнское сердце безумно болит и за Василису. Что с ней будет, когда она вырастет? Кому она будет нужна?

– Ничего, не пропадет, – заверял муж.

– Меня сильно пугает, как бы она не пошла не по той дорожке.

– Василиса умная девочка, я не сомневаюсь, мы еще будем ею гордиться, – уверял жену Николай Сергеевич.

И ему никогда в жизни не пришлось пожалеть о том, что у него нет сына. Действительно, эту роль с усердием исполняла Вася. Они ходили в походы и на рыбалку, играли в домино и карты, смотрели футбол и друг в друге души не чаяли. А ведь еще неизвестно, каким бы получился сын.

– Папина дочка, – так ласково называл ее Николай Сергеевич, не в силах скрыть, что Василиса – его любимица.

А Тося и не обижалась, потому что никогда бы в жизни не пошла в лес с палаткой за плечами, по ее словам, «кормить комаров», совершенно не интересовалась домино и недолюбливала футбол. Старшая дочь была нежной, покладистой, с удовольствием научилась у мамы вязать спицами и крючком, кулинарным изыскам и шитью. Антонина и Изольда Игоревна часами могли бродить по магазинам, рассматривать разные безделушки, сплетничали обо всем на свете и высаживали фиалки на дачной клумбе.

Внешне девочки тоже были разные. Тося высокая, с хорошей фигурой, у нее открытое, красивое лицо с веснушками, большие зеленые глаза и длинные рыжие густые волосы. А как выглядит Вася, даже родители толком не знали. Все детство они только и делали, что отмывали ее от гудрона, красок и грязи. Все школьные годы боролись с ее упрямыми челками, закрывающими лицо, пытались вытащить пирсинг из ушей, носа и языка и заставляли носить юбку. Но в конце концов они увидели, что их младшая дочь из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя. Время взяло свое. Как ни странно, Василиса выросла в очень красивую девушку с утонченной, романтической внешностью, которая совсем не вязалась с ее характером. Вася была худенькой, выше среднего роста, со светлыми волосами, постриженными под каре, которые, правда, прямо не лежали, так как слегка вились. У нее были большие голубые глаза и аккуратные черты лица. Этакая хрупкая студентка какого-нибудь архитектурного института...

Родители с ужасом думали о профессии, которую выберет их младшая дочь, потому что в старших классах та угрожала, что пойдет в армию, станет каскадером, водолазом или спортсменкой-мотогонщицей.

Учительница, которая прекрасно относилась к своей ученице, советовала родителям:

– Василиса должна идти в технический вуз. У нее абсолютно математический склад ума, железная логика, холодный рассудок и огромные способности к точным наукам. Она может любого мальчишку за пояс заткнуть!

Вася в последний момент вняла доводам взрослых и рассудка и, не став калечить себя дальше в спортивно-безумном направлении, поступила в один из престижнейших московских вузов на факультет, связанный с физикой, кибернетикой и приборостроением. Там Василисе пришлось несладко – с нее как с единственной девушки на потоке, вместо того чтобы сдувать пылинки, спрашивали с утроенной силой. Особенно зверствовал физик Кондрашов. Он просто взбесился, когда увидел ее у себя в аудитории на лекции:

«Куда мир катится? Что будет с наукой, если сюда стали брать баб? Наверняка блазная! Какой-то крутой папаша исполнил дочкин каприз, желание учиться среди мальчишек. Что может женщина в нашей серьезной, архисложной и абсолютно мужской области? Разве ее легкомысленная головка удержит в голове хоть малую часть формул, расчетов и теорем из того объема, что способен запомнить мужчина? Да ведь девчонка думает только о косметике, мальчишках и своей внешности. Нет, следует на корню пресечь ненужную практику брать на факультет девиц и гнать ее отсюда в шею. Наука не для женских мозгов, и надо дать понять другим особям женского пола, что здесь им не место, чтобы они сюда нос не совали. А то сейчас на факультете одна эта детка, в следующем году их будет уже пара-тройка... начнутся сплетни, интриги... Мужики тоже перестанут думать – женские особи начнут их отвлекать своими короткими юбками от лекций и семинаров. И куда мы докатимся?»

Так думал старший научный сотрудник Кондрашов, преподаватель, очень требовательно относящийся к студентам. И если бы он был какой-то старой каргой, то есть старым сычом, или пнем, его брюзжание еще можно было бы понять. Но Петр Леонидович был молодым голубоглазым блондином лет тридцати пяти, вполне симпатичным. Правда, он много сил положил на то, чтобы выглядеть лет на двадцать старше. Прическа у Петра Леонидовича была старомодной, под «горшок», щеки заросли противнейшей бородкой, которая, по мнению Василисы, мужчинам-блондинам совсем не идет. У преподавателя же она была к тому же какой-то рыжей, неухоженной. А на зачетах и экзаменах, во время которых Кондрашов просто упивался кровью студентов, борода так и вовсе тряслась отдельно от лица хозяина, словно жила своей собственной жизнью.

Ночами иногда Васе снился кошмарный сон: она, словно кролик, сидит перед Петром Леонидовичем, а тот с покрасневшим лицом, брызжа слюной, бушует как ураган. Василиса замечает, что его борода нечиста, в ней застряли кусочки еды. С ужасом понимает: он сожрал предыдущего студента! Вася просыпается в холодном поту, вздыхая: «Надо же такому при-
сниться...»

Но и в жизни господин Кондрашов делал все, чтобы испортить кровь, нервы и жизнь студентке Лапиной Василисе Николаевне. Это замечали все, но управы на него не находилось, поскольку он был любимым в прошлом студентом декана факультета, а ныне талантливым молодым ученым и преподавателем. Петр Леонидович постоянно следил за тем, как Василиса посещает его лекции, что сделать было легко, ведь единственная девушка являлась на потоке, так сказать, «бельмом в глазу». Стоило ей пропустить хоть одно занятие, причем даже по уважительной причине, из-за болезни, он тут же засыпал ее вопросами именно по пропущенному материалу. Однорукники это уже знали и всегда старались помочь Василисе, к которой так предвзято относились, – писали ей лекции под копирку.

Но по части учебы Вася могла дать фору любому. Все остальные могли в аудитории отдыхать и даже откровенно спать, поскольку вредный преподаватель спрашивал только студентку-девушку, пытаясь подловить ее хоть на чем-нибудь. Только ничего у него не получалось

– Василиса знала все. И не просто знала – могла логически объяснить и решить любую задачу, что уж никак нельзя было зазубрить.

И Петр Леонидович сдался.

– Вы, Лапина, не женщина! – выдохнул Кондрашов, покрасневшись, так и не смирившись с мыслью, что женщина способна знать его предмет, как он сам.

– Очень даже женщина, можете спросить у моего мужа, – ответила девушка, забирая зачетку со стола с твердой пятеркой по его предмету.

Кстати, о муже. Отбоя от кавалеров у Василисы не было еще со школьной поры. Сначала ребята, конечно, принимали ее за «своего чувака», но вскоре отметили, что Василиса стала весьма привлекательной девушкой, да еще и с характером без капризов. Так что с ней вполне можно было и дружить, и крутить любовь.

Более того – за нее развернулось настоящее сражение. На передний план быстро выдвинулся друг детства Миша Комаров. Вернее, он просто был физически всех сильнее, вот и отбил ее у других ребят, применив силу и ловкость. Потому те в страхе быть поверженными близко к ней и не подходили.

Конечно, Василиса в семнадцатилетнем возрасте ни о каком замужестве не помышляла, но когда поступила в институт и оказалась одной девушкой среди двухсот парней, честно говоря, испугалась и быстро выскочила замуж за Мишу. Это хоть как-то сбавило обороты внимания некоторых настырных парней.

С Мишей они поселились в общежитии семейного типа, и началось их совместное сосуществование. Комаров работал тренером по тяжелой атлетике в одной из тогда еще нелегально работавших «качалок». Но как-то сразу жизнь молодоженов не заладилась. Василиса поняла, что замуж выйти – это вовсе не спрятаться за кого-то от чего-то, а наоборот, вместе решать проблемы и задачи. Решать же что-либо с Мишей без повышенных тонов совершенно не получалось. Они оказались очень разными. И чем больше Василиса уходила в учебу, тем больше отдалялась от мужа. В интеллектуальном плане между ними пролегла просто пропасть. Миша это чувствовал и бесился. Он понимал, что теряет ее, но не понимал, как Вася могла променять живого человека на высшую математику, которая – всего лишь числа. Миша постепенно стал срываться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.